

ЖУРНАЛ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

№ 1(49) / 2016

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Зорькин В.Д. Конвенция о правах человека в российской правовой системе: проблемы имплементации 7

ТЕОРИЯ (И ПРАКТИКА) КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Кротов М.В. О совершенствовании процессуального законодательства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение 10

Жилин Г.А. К вопросу о правовой природе судопроизводства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение 14

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Баранов П.П., Овчинников А.И. Конституционные ценности и совершенствование современной конституционно-правовой политики Российской Федерации 18

Бондарь Н.С. Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей 23

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Слоновская А.Ю. Защита прав кредиторов несостоятельного должника в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 31

РЕЦЕНЗИЯ

Арановский К.В. Рецензия на сборник статей

«Конституционный совет Франции на современном этапе». М. : Юрист, 2015. 268 с. 37

Редакционная коллегия:

Князев Сергей Дмитриевич, судья Конституционного Суда Российской Федерации, главный редактор «Журнала конституционного правосудия», Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.
Антонов Алексей Владиславович, заместитель главного редактора «Журнала конституционного правосудия», советник Управления международных связей Конституционного Суда Российской Федерации
Автономов Алексей Станиславович, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д.ю.н., проф.
Арутюнян Гагик Гарушевич, Председатель Конституционного Суда Республики Армения, д.ю.н., проф.
Бондарь Николай Семенович, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.
Гаджиев Гадис Абдуллаевич, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Казанцев Сергей Михайлович, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Кокотов Александр Николаевич, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Красавчикова Лариса Октябрьевна, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Кротов Михаил Валентинович, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, к.ю.н.
Ливеровский Алексей Алексеевич, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, д.ю.н., проф.
Маврин Сергей Петрович, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.
Несмеянова Светлана Эдуардовна, директор Института государственного и международного права Уральской государственной юридической академии, д.ю.н., проф.
Овсепян Жанна Иосифовна, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, д.ю.н., проф.
Сивицкий Владимир Александрович, руководитель Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского кампуса (филиала) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», к.ю.н.
Старилов Юрий Николаевич, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.
Смирнов Александр Витальевич, советник Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Страшун Борис Александрович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф.
Шевелева Наталья Александровна, заведующая кафедрой государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д.ю.н., проф.
Хохрякова Ольга Сергеевна, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Цалиев Александр Михайлович, Председатель Конституционного Суда Республики Северная Осетия — Алания, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
Эбзев Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.

Конвенция о правах человека в российской правовой системе: проблемы имплементации*

*Зорькин Валерий Дмитриевич,
Председатель Конституционного Суда Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
vzor@ksrf.ru*

Статья посвящена проблеме соотношения решений наднациональных судебных органов с решениями национальных российских судебных органов в контексте имплементации норм Конвенции о правах человека и практики Европейского Суда по правам человека в российскую правовую систему.

Конституционный Суд в своей работе сталкивается с необходимостью одновременного решения двух задач: гармонизации российской правовой системы с общеевропейским правовым пространством, с одной стороны, и защиты собственной конституционной идентичности — с другой. Автор анализирует практику ряда европейских органов конституционного контроля, столкнувшихся с аналогичной проблемой; отмечает спорный характер применяемого ЕСПЧ социологического подхода к правопониманию, положенного в основу так называемого европейского консенсуса; дает краткий обзор правовых коллизий, накопившихся в последнее время в практике ЕСПЧ и Конституционного Суда Российской Федерации; предлагает возможные способы их разрешения.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека.

Эффективность имплементации Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) в национальное законодательство и правоприменительную практику определяется сложной системой социокультурных, в том числе и правовых, факторов.

Конституционный Суд Российской Федерации немало сделал для последовательной имплементации положений Конвенции и решений ЕСПЧ по России в нашу правовую систему. Именно благодаря решениям Конституционного Суда в России надежно обеспечен пересмотр судебных решений по результатам решений ЕСПЧ¹. Более того, Конституционный Суд сформулировал позицию о необходимости учета в российской правовой системе, в том числе, и решений, вынесенных по жалобам против других государств. Таким образом, расширительный эффект постановлений ЕСПЧ, получивший в доктрине название *res interpretata*, нашел свое официальное подтверждение в практике российского конституционного правосудия. Можно долго приводить примеры того, как благодаря усилиям Конституционного Суда российское законодательство и правоприменение совершенствовались и развивались путем имплементации положений Конвенции и прецедентной практики ЕСПЧ. Но с учетом жанра данной публикации необходимо ограничиться анализом имеющихся в этой сфере проблем.

Главной проблемой, с которой столкнулся Конституционный Суд в своей работе, является необходимость одновременного решения двух не всегда

легко сочетаемых задач: гармонизации российской правовой системы с общеевропейским правовым пространством, с одной стороны, и защиты собственной конституционной идентичности — с другой. Эта проблема имеет содержательные и процедурные аспекты, заслуживающие внимания. Начну с рассмотрения содержательной стороны дела, поскольку это необходимо для пояснения позиции Конституционного Суда по процедурным вопросам.

Как верно замечено в концепции проведенной Конституционной Судом конференции, трудности в деле имплементации Конвенции часто связаны с отсутствием политической воли, что, в свою очередь, ведет к недоработкам в организационно-правовом механизме имплементации конвенционных норм. Об отсутствии политической воли к исполнению постановлений ЕСПЧ в отдельных государствах-участниках говорится и в Резолюции ПАСЕ № 2075 (2015) от 30 сентября 2015 г.

То, что в упомянутых документах обозначено как «отсутствие политической воли», представляет собой сложное и неоднозначное явление, которое нуждается в осмыслении. Не отрицая наличия проблемы, хочу вместе с тем заметить, что сведение ее лишь к отсутствию заинтересованности, а тем более к наличию какой-то «злой воли» национальных властей в деле имплементации Конвенции означало бы односторонний взгляд на ситуацию, который вряд ли можно считать конструктивным. Необходимо рассмотреть проблему также и с иных точек зрения.

* В основе данной статьи — доклад на Международной конференции «Совершенствование национальных механизмов эффективной имплементации Конвенции о защите прав человека и основных свобод», прошедшей в Санкт-Петербурге 22 октября 2015 г.

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой». URL: www.ksrf.ru

И здесь, прежде всего, надо отметить, что по мере того, как деятельность ЕСПЧ все больше ориентируется на выявление структурных дефектов национальных правовых систем, требующих внесения изменений в законодательство, актуализируется вопрос о легитимности такой, правотворческой по своей сути, деятельности. Уже не раз говорилось о том, что правотворческая функция ЕСПЧ как наднационального судебного органа, не вписанного в присущую демократическим государствам систему сдержек и противовесов в рамках разделения властей, страдает недостатком демократической легитимности.

Эта проблема усугубляется все более выраженным судебским активизмом ЕСПЧ, реализуемым при помощи целого ряда доктринальных и юридико-технических механизмов. В их числе: 1) эволюционное толкование; 2) концепция автономности конвенционных терминов, которая предполагает, что одни и те же термины могут иметь разное содержание применительно к национальному праву и праву ЕСПЧ; 3) концепция подразумеваемых прав; 4) создание позитивных обязательств; 5) распространение действия Конвенции за пределы территорий государств-участников; 6) существенные отступления от ранее заявленных подходов (в том числе посредством реинтерпретации ранее вынесенных решений) и пересмотр правовых позиций; 7) предпочтение расширенных решений, когда вместо вынесения решений лишь в связи с непосредственно поставленными заявителями вопросами ЕСПЧ высказывается и по иным проблемам (особенно когда ЕСПЧ указывает предельно широкий круг мер по восстановлению нарушенных прав, включая предписание об изменении национального законодательства); 8) интенсивное обращение к принятию так называемых пилотных решений, побуждающих государства — участники Конвенции к принятию мер общего характера.

Концепция европейского консенсуса

Я не ставлю под сомнение объективную обусловленность правотворческой функции ЕСПЧ процессами европейской правовой интеграции, а также необходимость судебного активизма ЕСПЧ, без которого невозможно обеспечение эффективности защиты прав и свобод (что, как известно, является, безусловным приоритетом для Страсбургского суда). Но хотел бы лишь в очередной раз обратить внимание на опасности, связанные с вторжением ЕСПЧ в сферу действия национально-государственного суверенитета, в основе которого лежит принцип народного суверенитета (поскольку речь идет о демократических государствах).

В последнее время со стороны целого ряда представителей юридической науки и практики (а иногда даже и со стороны отдельных государств) все чаще звучит пусть и весьма сдержанная, но тем не менее

довольно четко обозначенная критика, касающаяся именно этих аспектов деятельности ЕСПЧ. Показательны в этом плане дискуссии, которые состоялись на конференциях в Интерлакене (2010 г.), Измире (2011 г.) и Брайтоне (2012 г.). Итогом дискуссий стало то обстоятельство, что конференция **высокого уровня государств — участников Совета Европы** в Брайтоне предложила новую формулировку принципов и целей Конвенции в ее Преамбуле, включив в нее упоминание о принципе субсидиарности и доктрине свободы усмотрения государств-участников. В принятой на конференции декларации подчеркивалось, что «государства-участники пользуются свободой усмотрения в том, как они применяют и имплементируют Конвенцию, в зависимости от обстоятельств дела и характера прав и свобод, которые вовлечены. Это отражает субсидиарность системы Конвенции по защите прав человека на национальном уровне, а также то, что национальные органы в принципе лучше осведомлены о специфике и лучше оценивают местные / национальные потребности и условия в силу их территориальной близости, по сравнению с Судом». Позднее Комитет министров Совета Европы внес на рассмотрение государств соответствующие поправки в виде Протокола № 15 к Конвенции, который открыт для подписания.

Предложение о включении в Преамбулу Европейской конвенции упоминания о свободе усмотрения государств-участников, в связке с принципом субсидиарности, призвано способствовать более взвешенному и осторожному подходу со стороны ЕСПЧ к установлению пределов такой свободы. При этом, говоря о доктрине свободы усмотрения государств, надо учитывать проблему демократического дефицита Европейского Суда. При том что национальные легислатуры, являясь не только законодательными, но и представительными органами, выражающими волю своих народов и государств Совета Европы, обладая демократической поддержкой электората, они выполняют важную функцию в достижении внутригосударственного консенсуса. И поэтому вопрос о возможности применения доктрины европейского консенсуса к решениям высших законодательных органов государств находится в центре дискуссий, связанных с имплементацией Конвенции о защите прав человека.

В этой связи особого внимания заслуживает взятая Страсбургским судом на вооружение методология выявления европейского консенсуса, которая применяется им для определения уровня свободы усмотрения государств в деле обеспечения конвенционных прав. Как подчеркивает ЕСПЧ в целом ряде своих постановлений, свобода усмотрения, которой пользуются государства при обеспечении конвенционных прав, зависит от достигнутого единообразия регулирования соответствующих отношений во внутреннем праве государств-участников². И если государство не следует общему стандарту, сформирова-

² Как известно, ЕСПЧ в своей деятельности использует следующие основные подходы к выявлению общеевропейского консенсуса: 1) консенсус отсутствует, следовательно, оспариваемые правовые предписания соответствуют Конвенции, за исключением случаев, когда они явным образом не соответствуют требованиям разумности, пропорциональности или необходимости в демократическом обществе; 2) консенсус может быть обнаружен, и содержание оспариваемых правовых предписаний ему соответствует, следовательно, они не противоречат Конвенции; 3) консенсус может быть обнаружен, однако содержание оспариваемых правовых предписаний ему противоречит, что обычно означает, что последние не соответствуют Конвенции.

ровавшемуся на базе европейского консенсуса, то обоснование им своей позиции должно отличаться особой убедительностью³. На этой ключевой по своей значимости проблеме — **на проблеме европейского правового консенсуса** — остановлюсь подробнее.

Необходимо подчеркнуть: я вовсе не считаю, что конструкция европейского консенсуса является, как пишут некоторые критически настроенные авторы, опасным рычагом судейского активизма. Во всяком случае, такая реализация этой методологии на практике не отвечает ее предназначению, если рассматривать ситуацию с точки зрения теории. На мой взгляд, ориентация на европейский консенсус — это наиболее эффективный из имеющихся в распоряжении ЕСПЧ способов демократической легитимации его решений, позволяющий Суду опереться на такие объективированные основания, как сложившаяся законодательная и правоприменительная практика демократических государств.

Особое значение в этом контексте имеет практика европейских конституционных судов, поскольку конституционное правосудие в большинстве случаев отражает внутрисударственный консенсус, а точнее — общественный компромисс (своего рода общественный договор), лежащий в основе национальной конституции. Путем правовой трактовки этого «общественного договора» конституционные суды, как правило, учитывают в своей работе динамику социальных процессов, общественные чаяния и запросы и т.д., понимая, что решения, оторванные от социальной реальности, зачастую обречены на неисполнимость. Опора ЕСПЧ на консенсус, достигнутый среди европейских органов конституционного правосудия, дает возможность ему как межгосударственному (наднациональному) органу, оторванному от национальных социокультурных корней, глубже понять широкий социальный контекст действия тех или иных прав и свобод человека и гражданина.

В связи с этим возникает еще одна немаловажная проблема — проблема эффективности национальных средств правовой защиты. Часто отмечается, что процессу имплементации положений ЕКПЧ в национальное право мешает отсутствие эффективного механизма (эффективных средств) правовой защиты на национальном уровне, как того требует ст. 13 Конвенции. Европейский Суд и Комитет министров определяли такие средства как «доступные и способные предоставить адекватное возмещение любого нарушения, которое уже произошло либо может произойти». При этом введение таких средств национальной правовой защиты преимущественно является обязанностью законодательного органа.

Поэтому я бы сказал, что «европейский консенсус» — это способ определения меры усмотрения не только государств-участников, но и самого ЕСПЧ. Это такая методология выработки судебного реше-

ния, которая при ее надлежащем использовании вводит судейский активизм в предсказуемое и конструктивное русло. Однако применение данной методологии требует учета присущих ей ограничений.

О каких ограничениях идет речь?

Я не буду касаться дефектов применения данной методологии, связанных с тем, что в целом ряде случаев подобный «консенсус» не столько отражает позицию государств-участников в лице их законодательных и судебных органов, сколько формируется самим ЕСПЧ с опорой на доклады неправительственных правозащитных организаций. Тут есть более принципиальные вопросы, требующие обсуждения.

По мнению специалистов (приведу в качестве примера работу А. Нуссбергер, которая, в свою очередь, ссылается на ряд авторов), «аргументация, основанная на европейском консенсусе, является центральным элементом философии Европейского суда по правам человека»⁴.

Главное, что смущает меня в таком подходе, — это как раз не философский, а социологический характер правопонимания, базирующегося на европейском консенсусе. Ведь правом здесь считается то, что признается таковым большинством участников правового общения. Но этот подход к пониманию права, как известно, характеризуется целым рядом существенных недостатков.

Не вдаваясь в теорию, ограничусь лишь постановкой некоторых вопросов, на которые трудно ответить с позиций подобного социологического правопонимания. Например: с какого числа государств начинается такой консенсус, т.е. когда количество переходит в новое правовое качество? Есть ли у ЕСПЧ четкие критерии разграничения ценностного консенсуса, выражающего наличие общих ценностей, от согласия по поводу способов реализации этих ценностей на практике? Всегда ли даже при наличии явно выраженного консенсуса можно быть уверенным в правильности, точнее — в правомерности, решения, понуждающего тех, кто остался в меньшинстве, следовать за позицией большинства государств?

Последний, наиболее принципиальный, вопрос нуждается в некоторых пояснениях. И здесь уместно напомнить рассмотрение Конституционным Судом РФ вопроса об отмене смертной казни, когда мы отступили в своих решениях от внутрисударственного консенсуса, подтверждавшегося целой серией исследований общественного мнения и экспертных опросов. В 1999 г. Конституционный Суд РФ вынес постановление, в котором признал неконституционным вынесение смертных приговоров в отсутствие судов присяжных во всех регионах страны, а в 2009 г. Конституционный Суд принял решение, согласно которому никакие суды в России более не могут выносить смертные приговоры. В обоих случаях мы

³ См., например: Eur. Court H.R. Dickson v. the United Kingdom, Judgment of 4 December 2007. Para 81; S.L. v. Austria, Judgment of 9 January 2003. Para 31; Tănase v. Moldova, Judgment of 27 April 2010. Para. 176; Demir and Baykara v. Turkey, Judgment of 12 November 2008. Para. 85; Weller v. Hungary, Judgment of 31 March 2009. Para. 28; Stec and Others v. the United Kingdom, Judgment of 12 April 2006. Paras. 63–64; Ünal Tekeli v. Turkey, Judgment of 16 November 2004. Para. 54; Stafford v. the United Kingdom, Judgment of 28 May 2002. Para. 68; Kiyutin v. Russia, Judgment of 10 March 2011. Para. 65; Konstantin Markin v. Russia, Judgment of 22 March 2012. Para. 126.

⁴ См.: Нуссбергер А. Консенсус как элемент аргументации Европейского суда по правам человека // Международное правосудие. 2013. № 1.

пошли на этот шаг не только из-за обязательств перед Советом Европы, но и потому, что руководство вались соображениями более высокого порядка, чем просто позиция большинства.

Возвращаясь к проблеме европейского консенсуса, надо отметить и то обстоятельство, что сложившийся в тех или иных условиях текущий консенсус может быть обусловлен разного рода ситуативными, конъюнктурными и т.п. причинами. Кроме того (что особенно важно), решение, основанное на позиции большинства европейских стран по какому-то вопросу, может игнорировать (или, по меньшей мере, недооценивать) некоторые важные моменты, отражающие такие социокультурные особенности той или иной страны, учет которых необходим для более полной и эффективной защиты прав человека. В наибольшей степени это касается вопросов, связанных с глубинными ценностями и нормами, образующими в своей совокупности тот морально-культурный код нации, который, хотя и не всегда понятным нам образом, несомненно влияет на конституционную идентичность государства.

Следует признать, что в практике работы ЕСПЧ формируются некоторые подходы к решению обозначенной проблемы. Так, в ряде дел Судом анализировался особый исторический и социальный контекст действия Конвенции в том или ином государстве как возможное основание для отклонения от европейского консенсуса при определении конкретных форм и путей реализации данного права. Правда, как показывает практика, ЕСПЧ пока не склонен признавать специфику социоисторического (социокультурного) контекста достаточным основанием для признания допустимым отклонения от европейского консенсуса.

В качестве другого основания для отклонения от общеевропейского консенсуса Судом рассматривалась ссылка на внутригосударственный консенсус, который блокирует консенсус, существующий на европейском уровне⁵. Но и это основание не получило сколько-нибудь серьезного признания в практике ЕСПЧ: лишь в одном деле ЕСПЧ признал данный подход («А., В. и С. против Ирландии»⁶). Полагаю, что дальнейшее развитие этих подходов могло бы в немалой степени способствовать совершенствованию доктрины усмотрения государств-участников в русле Брайтонской декларации.

Социокультурный контекст имплементации Конвенции

Нежелание ЕСПЧ в большинстве случаев учитывать наличие и характер «внутристранового консенсуса» по острым правозащитным проблемам морально-этического характера понятно: прецеденты такого учета неизбежно «размывают» то единство общеевропейских стандартов прав человека, к которому стремятся судьи ЕСПЧ.

Однако нельзя не признать, что у ЕСПЧ нет того «живого» понимания социального этического контекста в стране-ответчике, в который погружены национальные законодатели и который необходим для

строгого анализа содержания и значения затронутых прав. Кроме того, у ЕСПЧ при анализе подобных проблем нет таких постоянных ответственных партнеров-собеседников, как парламент и правительство страны-ответчика, которые имеют свое, основанное на конкретном социальном опыте, представление о соотношении затронутых прав с массовыми общественными настроениями, а также жизненными приоритетами общественного развития.

Отмечу, что именно по этим причинам ЕСПЧ не смог предугадать последствия своего первоначального решения о недопустимости распятий в итальянских государственных школах, и это решение пришлось пересматривать Большой палате.

Вновь повторю то, о чем уже не раз говорил: базисом нормативного социального поведения в любой стране являются укоренившиеся в обществе массовые представления о должном, благом и справедливом.

Эти представления — несмотря на далеко зашедшие процессы глобализации — в нынешнем мире по-прежнему существенно различаются даже в сравнительно небольшом европейском ареале. И по-прежнему не могут быть формально сведены к неким универсальным парадигмам «справедливого права».

То есть, если переходить к терминологии Иммануила Канта, «моральный закон внутри нас» — увя, является в основном единым для человечества лишь в отношении тех базовых ценностей и прав человека, которые исходно провозгласила Конвенция. А в отношении многих других ценностей, к защите которых призывают предлагаемые Советом Европы и ЕСПЧ меры, постоянно возникающие в обновляющихся Конвенцию Протоколах и толкованиях Суда, конкретизирующих ее положения, «моральный закон внутри нас» обнаруживает в разных странах и ареалах весьма существенные различия.

Это в особенности касается моральных установлений в сфере семьи, брака, гендерных отличий, религиозных предпочтений, воспитания детей. Отсюда и те проблемы, которые обнаруживаются при попытках ЕСПЧ распространить фактическую юрисдикцию своих интерпретаций Конвенции на страны и регионы, в которых массовые традиционные моральные предпочтения весьма далеки от предлагаемых ЕСПЧ толкований Конвенции.

Здесь я считаю уместным напомнить тезис французского социального философа Пьера Бурдьё: *право и правоприменение может быть эффективным лишь в том случае, если закон и норма его юридического толкования созвучны общественным представлениям о справедливости*. Сломать эти массовые представления навязыванием иных моральных принципов, даже если это пытался бы делать такой авторитетный институт, как ЕСПЧ, — невозможно. И тот факт, что ЕСПЧ в своих решениях это обстоятельство учитывает недостаточно, — это очень серьезная проблема имплементации Конвенции.

Значение более полного учета Европейский Судом такого фактора, как особый социоисторический (социокультурный) контекст реализации Конвен-

⁵ Исследователи определяют внутригосударственный консенсус как преобладающее (но не единодушное) отношение к конкретному правовому вопросу большинства населения государства-ответчика.

⁶ *A, B and C v. Ireland* App. No. 25579/05 (ECtHR: 16 December 2010).

ции, я могу продемонстрировать на примере широко известного дела «Константин Маркин против России», послужившего для России импульсом к уточнению роли Конституционного Суда в механизме имплементации Конвенции. Я уже не раз обращался к этому делу в своих выступлениях, но тем не менее хотел бы высказать здесь некоторые суждения, необходимые для последующего пояснения решений Конституционного Суда, касающихся его места и роли в системе мер по имплементации Конвенции.

Напомню, что суть правового спора в «деле Маркина» состояла в вопросе о наличии или отсутствии дискриминации по гендерному признаку в ситуации, когда мужчины-военнослужащие лишены трехгодичного отпуска по уходу за ребенком, предоставляемого женщинам-военнослужащим. Конституционный Суд отказал в принятии дела к рассмотрению, отметив, что данные ограничения прав военнослужащих согласуются с конституционно значимыми целями обороны страны и безопасности государства и что, предоставив в порядке исключения соответствующие права женщинам-военнослужащим, законодатель исходил из особой (связанной с материнством) социальной роли женщины, закрепленной в Конституции страны. ЕСПЧ, куда затем обратился К. Маркин, признал наличие в данном деле дискриминации мужчин-военнослужащих и рекомендовал России внести соответствующие изменения в законодательство. При этом ЕСПЧ не согласился с положением об особой социальной роли женщины в воспитании малолетних детей, обвинив российскую сторону в консервации гендерных стереотипов, а также не согласился с обоснованием российской стороной соразмерности между соответствующим ограничением права военнослужащих и целью защиты национальной безопасности.

В этом деле недооценка социокультурной специфики России проявилась, как представляется, по двум направлениям.

Во-первых, при определении ЕСПЧ возможностей и способов преодоления того, что в постановлении Большой палаты названо «традициями, гендерными предубеждениями и распространенным среди жителей соответствующей страны мнением». Действительно, такие гендерные предубеждения (можно даже сказать — предрассудки) в России еще далеко не изжиты. Но в том-то и дело, что они действуют не в правовой системе страны, а в реальности семейных отношений, которые все еще в немалой степени базируются на патриархальных традициях распределения ролей между мужчинами и женщинами. Именно поэтому российский законодатель и стремится там, где это возможно, предоставить женщинам законодательные преференции, являющиеся по своей правовой сути не привилегиями, а правовыми компенсациями тех дополнительных усилий по воспитанию детей, которые ложатся на плечи женщин в российских семьях.

В наших реалиях такие законодательные преференции женщинам — это не дискриминация мужчин, а способ преодоления существующей в обществе дискриминации женщин, направленный на

создание условий, способствующих подтягиванию женщин к тому уровню реализации прав, который доступен для мужчин (т.е. направленный на обеспечение большей меры свободы для женщин в самых разных сферах общественной жизни). Принципиальным моментом здесь является то обстоятельство, что позиция России по данному вопросу не расходится с общеевропейскими ценностями гендерного равенства (в том числе и равенства в распределении ответственности за воспитание детей между мужчинами и женщинами). Расхождения возникают лишь при выборе средств обеспечения такого равенства с учетом конкретно-исторических особенностей времени и места реализации данной ценности.

И второй момент, который важно иметь в виду. Когда Конституционный Суд принимал свое отказное определение по делу Маркина, он исходил из понимания того обстоятельства, что если российский законодатель пойдет на уравнивание правовых статусов военнослужащих (мужчин и женщин) в вопросе отпуска по уходу за ребенком, то это будет «негативное равенство», т.е. равенство в отсутствие соответствующего права (т.е. такое «равенство», которое лишает дополнительной защиты соответствующую группу женщин, а также, что особенно важно, их детей). При этом ЕСПЧ, напротив, исходил в своем решении из сложившего европейского консенсуса в вопросе о возможности предоставления права по уходу за малолетними детьми всем военнослужащим. Ведь в постановлении Большой палаты ЕСПЧ говорится, что «в значительном числе государств — членов Совета Европы одинаковые права на получение такого отпуска имеют военнослужащие обоих полов», и подчеркивается, что «действие Конвенции не ограничено входами в армейские казармы». Последний тезис уже через полгода после «дела Маркина» получил развитие в решении ЕСПЧ по делу «Баятян против Армении». Суд признал, что лишение свободы за отказ от прохождения военной службы по личным убеждениям не соответствует конвенционным гарантиям права на свободу мысли, совести и религии. При этом Суд прямо сослался на европейский консенсус, подчеркнув, что в рамках европейского пространства «наметилась очевидная тенденция к признанию права на отказ от военной службы на основании личных убеждений»⁷.

Давайте откровенно порассуждаем: смогут ли российские власти проявить ожидаемую от них политическую волю для имплементации подобного рода решений ЕСПЧ? Думаю, что такой вектор развития соответствующего законодательства в обозримой перспективе вряд ли будет принят. Хотя отдельные шаги в этом направлении вполне возможны. Так, после «дела Маркина» Правительство РФ внесло в Государственную Думу законопроект, предоставляющий мужчинам-военнослужащим, проходящим военную службу по контракту и воспитывающим ребенка без матери, трехгодичный отпуск по уходу за ребенком. В целом же движение в эту сторону будет очень сдержанным и осторожным.

И здесь важно понять глубинные, социокультурные причины (а они есть!) такой вполне предска-

⁷ § 101 мотивировочной части Постановления «Баятян против Армении». — ECtHR. Bayatyan v. Armenia. Application No. 23459/03. Judgment of 07 July 2011.

зуемой позиции национальных властей, а не ограничиваться поверхностной критикой. Потому что в подтексте позиции российских властных структур в такого рода вопросах лежат достаточно глубокие и веские, в значительной мере объективные, основания. Я не берусь давать анализ этих оснований, вторгаясь в область профессиональной компетенции историков, политологов, социологов, социальных психологов, культурологов, антропологов и т.д. Но считаю нужным отметить то, что представляется мне особенно важным.

Россия — страна, обладающая огромной территорией, которая охватывает большие пространства двух континентов — Европы и Азии. На протяжении всей своей истории Россия почти непрерывно вела войны, защищая свои рубежи и отстаивая свои геополитические интересы. Названные факторы, несомненно, оказывали и продолжают оказывать влияние на отношение российского общества к вопросам боеспособности вооруженных сил страны. И очевидно, что повышение неопределенности в этих вопросах будет восприниматься весьма болезненно не только властными элитами, но и широкими слоями населения. Государства Западной Европы вполне могут позволить себе далеко продвинуться в русле тезиса о том, что «действие Конвенции не ограничено входами в армейские казармы», и достичь в этих вопросах устойчивого европейского консенсуса на уровне законодательства и судебной практики. Потому что безопасность этих государств обеспечивается блоком НАТО и в значительной мере гарантируется военной и экономической мощью США. Для России же даже небольшая неопределенность в вопросах, влияющих на боеспособность вооруженных сил страны, может иметь существенное значение.

Коллизии толкований ЕСПЧ и Конституционного Суда

Обозначенные проблемы, свидетельствующие о необходимости более осторожного подхода со стороны наднационального судебного органа к решению вопросов, тесно связанных с особенностями исторического развития России, с ее геополитической спецификой, с базовыми характеристиками национального самосознания и т.д., наиболее ярко проявляются в ситуациях, когда обнаруживаются расхождения между нормами Конвенции и нормами Конституции РФ, уже получившими толкование в решениях КС. Прежде всего, надо сказать, что такие коллизии — это дело исключительно редкое, можно сказать — экстраординарное, поскольку в основе Конституции России и Конвенции о защите прав человека и основных свобод лежат общие базовые ценности. Так, мы впервые столкнулись с этой проблемой лишь в 2010 г. в связи с вышеупомянутым делом, потребовавшим разработки процедуры разрешения такого рода коллизий.

После принятия Европейским Судом постановления в пользу К. Маркина последний обратился в

российский суд с просьбой о пересмотре ранее вынесенных решений по новым обстоятельствам. Суд общей юрисдикции, оказавшийся в сложной ситуации коллизии между толкованиями Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, направил соответствующий запрос в Конституционный Суд.

При рассмотрении данного запроса Конституционный Суд РФ исходил из того, что Конвенция и основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ не отменяют приоритет Конституции для национальных конституционных судов и правовой системы в целом в тех случаях, когда Конституция способна более полно обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина по сравнению с соответствующими нормами международного договора. Без учета этого обстоятельства существует угроза «растворения» конституционного контроля страны в наднациональном контроле за соответствием российского законодательства праву Совета Европы. Кроме того, согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом еще в постановлении от 16 июня 1998 г., в силу требований целого ряда статей Конституции РФ выводы судов общей юрисдикции о неконституционности тех или иных законоположений не могут сами по себе служить основанием для их официального признания не соответствующими Конституции и утрачивающими юридическую силу. Такое полномочие Конституция РФ возлагает лишь на Конституционный Суд РФ.

В своем постановлении по указанному запросу Конституционный Суд указал, что если суд общей юрисдикции придет к выводу о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ без признания не соответствующими Конституции РФ норм, конституционность которых ранее была подтверждена Конституционным Судом, то суд общей юрисдикции правомочен приостановить производство и обратиться с запросом в Конституционный Суд⁸. Такое решение позволило найти соответствующий Конституции процедурный механизм имплементации решений ЕСПЧ в российскую судебную практику в ситуации конфликта толкований между ЕСПЧ и Конституционным Судом. Принятое Конституционным Судом решение никак нельзя назвать неожиданным. На протяжении всего своего существования Конституционный Суд отстаивал принцип, согласно которому участие Российской Федерации в международном договоре не означает отказа от государственного суверенитета, юридическим выражением которого является верховенство Конституции РФ⁹. В данном случае, развивая высказанные ранее правовые позиции, Конституционный Суд РФ исходил из того, что вынесение нижестоящим судом решения в связи с указанием ЕСПЧ на несоответствие внутренних норм положениям Конвенции без предварительного обращения в Конституционный Суд, по существу, означало бы оценку конституционности национального законодательства ненадлежащим (т.е. не предусмотренным Конституцией РФ) органом.

⁸ Постановление от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» (п. 1 резолютивной части) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Так, КС РФ неоднократно обращался к анализу положений ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ (постановления от 29 июня 2004 г. № 13-П; от 27 марта 2012 г. № 8-П; от 9 июля 2012 г. № 17-П и другие. URL: www.ksrf.ru).

Важно отметить, что этому решению Конституционного Суда предшествовало принятое несколькими месяцами ранее постановление ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» от 4 июля 2013 г. Страсбургский суд признал нарушение ст. 3 Протокола № 1 (право на свободные выборы) вследствие ограничения избирательного права лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда. Данное постановление продолжает практику ЕСПЧ по вопросам права голоса заключенных, получившую свое развитие в делах «Херст против Соединенного Королевства (№ 2)» и «Скоппола против Италии (№ 3)», но оно входит в противоречие с ч. 3 ст. 32 Конституции России, устанавливающей прямой запрет на участие в выборах для граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда. В нашем случае исключительность ситуации обусловлена тем, что положения второй главы Конституции РФ, к которой относится оспариваемая норма, могут быть пересмотрены лишь Конституционным Собранием, для созыва которого необходима поддержка трех пятых от общего числа обеих палат парламента.

Может ли Конституционный Суд решить эту проблему расширительным толкованием нормы, в которой сказано, что «не имеют права избирать и быть избранными граждане... содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда»? Я не стану здесь обсуждать этот вопрос, поскольку, судя по всему, нам предстоит рассматривать запрос на данную тему. Замечу лишь, что свобода усмотрения Конституционного Суда в процессе толкования Конституции, как правило, более ограничена в сравнении Европейским Судом, поскольку конституционные нормы зачастую не столь абстрактны, как положения Конвенции.

О сложности и остроте затронутой проблемы говорит уже тот факт, что решение ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» послужило одним из поводов для недавнего обращения в Конституционный Суд со стороны 93 депутатов Государственной Думы РФ. В их запросе оспаривалась конституционность норм российского законодательства, предписывающих органам власти страны необходимость исполнения постановлений ЕСПЧ даже в случае, если они противоречат Конституции. Прежде чем пояснить суть нашего решения по данному вопросу, я хотел бы обратить внимание на то, что запрос поступил от нижней палаты парламента, т.е. от органа, в компетенцию которого как раз и входит имплементация положений Конвенции в российское законодательство (как в части принятия законов, соответствующих положениям Конвенции, так и в части исполнения пилотных постановлений ЕСПЧ). То обстоятельство, что с запросом обратилось «всего лишь» 93 депутата, обусловлено тем, что эта численность является достаточной для обращения (по неофициальным данным, реальная поддержка данного обращения была значительно выше). Важно и то,

что в число обратившихся вошли представители всех фракций Государственной Думы.

В этой ситуации Конституционный Суд 14 июля 2015 г. признал взаимосвязанные положения *оспариваемых законов* не противоречащими Конституции¹⁰.

По мнению Суда, данные законоположения не исключают того, что государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения страной международных договоров, придя к выводу о невозможности исполнить постановление ЕСПЧ вследствие того, что оно основано на истолковании Конвенции, расходящемся с Конституцией РФ, могут обратиться в Конституционный Суд для решения вопроса о возможности исполнения данного постановления, а Президент РФ и Правительство РФ правомочны обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о толковании соответствующих положений Конституции РФ.

Это решение Конституционного Суда (так же как и предыдущее решение по запросу Ленинградского военного суда) не содержит в себе сенсации, поскольку оно лишь воспроизводит и развивает многократно высказанную Судом правовую позицию о верховенстве Конституции РФ при исполнении решений ЕСПЧ. Постановление предусматривает необходимые институциональные гарантии такого верховенства. Так, указывается, что оно обеспечивается исключительно Конституционным Судом в рамках одной из двух процедур: 1) о проверке конституционности законодательных норм, в которых ЕСПЧ обнаружил порок (соответствующий запрос обязан направить суд, пересматривающий дело на основании решения европейской юстиции); 2) о толковании Конституции по запросу Президента РФ или Правительства РФ (если органы власти сочтут конкретное постановление ЕСПЧ в отношении России неисполнимым без нарушения Основного Закона).

Правовая логика Конституционного Суда при рассмотрении существа данного дела заключалась в следующем:

1. Запрос со стороны депутатов Государственной Думы по проверке конституционности Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», а также соответствующих норм Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» и процессуального законодательства отвечает критерию допустимости запроса. Хотя проверка конституционности федерального закона о ратификации международного договора по общему правилу может быть осуществлена лишь до момента вступления данного международного договора в силу, однако Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» находится в нормативном единстве с другими оспариваемыми в запросе положениями Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» и процессуального законо-

¹⁰ Постановление от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: www.ksrf.ru

дательства, образуя вместе с ними нормативно-правовую базу для исполнения постановлений ЕСПЧ. В рамках такого системного единства Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» может стать предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ в той мере, в какой это необходимо для разрешения вопроса об исполнении вынесенного по жалобе против России постановления ЕСПЧ, возлагающего на государство обязательства, реализация которых не согласуется с Конституцией РФ.

2. Как следует из статей Конституции РФ, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции РФ и означающих недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации, ни Европейская конвенция как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и подлежат реализации только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ.

3. Поскольку Россия, по смыслу ст. 15 (ч. 1 и ч. 4), 79 и 125 (ч. 6) Конституции РФ, не вправе заключать международные договоры, не соответствующие Конституции РФ, а правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие особо важное для России значение, не могут и не должны применяться в ее правовой системе, обязанностью органов государственной власти при имплементации международных договоров является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они определены Конституцией РФ, и недопущение нарушений основ конституционного строя. Поэтому в ситуации, когда в постановлении ЕСПЧ, основанном на неправомерной (с конституционно-правовой точки зрения) интерпретации положений Европейской конвенции в рамках конкретного дела, затрагиваются принципы и нормы Конституции РФ, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ.

4. Исходя из п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора, а также в свете объекта и целей договора, в случае если ЕСПЧ в своем толковании придает используемому в ЕКПЧ понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям ЕКПЧ, государство-ответчик вправе отказать от его решения ЕСПЧ как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых государством. Это относится прежде всего к тем ситуациям, когда в результате толкования конкретного положения ЕКПЧ смысл этого положения расходится с императивными нормами общего международного права, к числу которых относятся принцип

суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств. Как следует из п. 1 ст. 46 Венской конвенции, государство вправе блокировать действие в отношении него отдельных положений международного договора, ссылаясь на то, что согласие на обязательность для него данного договора было выражено им в нарушение его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным и касалось нормы внутреннего права особо важного значения.

5. При этом речь идет не о недействительности для России международного договора в целом, а лишь о невозможности применения его нормы в истолковании, приданном ей уполномоченным межгосударственным органом в рамках рассмотрения конкретного дела, в той мере, в какой это толкование конкретизировало данную норму таким образом, что она вступила в противоречие с положениями Конституции РФ.

В завершении мотивировочной части постановления Конституционного Суда дан анализ конвенционно-конституционных коллизий в практике европейских государств, по итогам которого сделан вывод о том, что в рассматриваемых случаях речь идет не о противоречии между Европейской конвенцией и национальными конституциями, а о коллизиях толкования конвенционных положений, данных ЕСПЧ по конкретным делам, и положений национальных конституций в их истолковании органами конституционного контроля. Оценивая нормы внутреннего законодательства на соответствие конституциям своих государств, эти национальные судебные органы при принятии решения исходят из того, какое толкование лучше защищает права человека и гражданина в правовой системе данного государства, имея в виду не только непосредственно обратившихся за защитой, но и всех тех, чьи права и свободы могут быть затронуты.

Данное постановление Конституционного Суда вызвало критику как со стороны тех, кто полагает, что подписание Россией ЕКПЧ означает полное и безоговорочное подчинение российской правовой системы интеграционному праву Совета Европы в вопросах защиты прав человека, так и со стороны тех, кто готов выйти из Совета Европы, полагая, что слишком вольная трактовка Европейским Судом положений Конвенции чревата поправлением суверенитета страны. И те, и другие считают решение Конституционного Суда половинчатым.

На мой взгляд, то, что критики называют половинчатостью и непоследовательностью, имеет под собой объективные основания, обусловленные природой конституционного правосудия. Ведь в отличие от судов общей юрисдикции, рассматривающих дела, в которых обычно есть «правые и виноватые», Конституционный Суд решает споры о праве, где у каждой из спорящих сторон зачастую есть свои правовые резоны. Даже в тех ситуациях, когда к нам обращается человек с правоммерной жалобой на неконституционность закона, т.е. когда речь идет о споре между гражданином и государством в лице его законодательного органа, мы, как правило, имеем дело с противопоставлением разных, но равновеликих ценностей, лежащих в основе Конституции как формализованного общественного договора. Наша

задача — не подавить одну конституционную ценность другой, а согласовать их, найти их надлежащий баланс, т.е. правовой компромисс. Эта непростая задача существенно усложняется тем, что Конституция принималась в условиях глубочайших социальных, экономических и политических трансформаций страны. И в условиях связанного с этими трансформациями очень острого и жесткого «раскола» российского общества. К сожалению, последующее развитие событий пока не привело к преодолению этого традиционного для России глубокого, по сути своей социокультурного, раскола.

С учетом сказанного хочу подчеркнуть, что за нашим решением по запросу депутатов Государственной Думы (как и за решением по запросу суда общей юрисдикции в связи с делом К. Маркина) стоит вовсе не оппозиция Европейскому Суду, а, напротив, стремление подстраховаться от ситуаций, чреватых серьезным осложнением отношений России с ЕСПЧ и в целом с Советом Европы. Речь идет о ситуациях, когда решения ЕСПЧ, вторгающиеся в сферу национального суверенитета России, чреватые более существенными нарушениями конституционных прав российских граждан, нежели те, против которых возражает Страсбургский суд. По сути дела, Конституционный Суд, у которого есть большой опыт конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с ЕСПЧ, взял на себя нагрузку по «разруливанию» подобного рода конфликтных ситуаций. При этом в постановлении по запросу депутатов Государственной Думы Конституционный Суд в очередной раз подчеркнул признание фундаментального значения европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой являются постановления ЕСПЧ, и готовность к

поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы. А то обстоятельство, что степень такой готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция, вполне вписывается в уже существующую практику взаимодействия между ЕСПЧ и целым рядом государств — участников Конвенции¹¹. В основе такой практики лежит понимание того обстоятельства, что взаимодействие европейского и национального правопорядков невозможно в условиях субординации и что только диалог между соответствующими правовыми системами является залогом общеевропейского правового развития.

В заключение считаю необходимым сказать следующее. После вступления России в Совет Европы многие очень надеялись на скорое формирование единого правового пространства от Лиссабона до Владивостока. В последние годы разговоры на эту тему лишились прежнего романтизма. Сложившаяся ситуация заставляет нас вспомнить русскую народную поговорку: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Мы должны признать, что на огромном, сложном, изначально противоречивом правовом пространстве России все еще немало оврагов. Но это вовсе не означает непроходимости пути. Это означает лишь, что двигаться вперед надо не «напролом», а осторожно, т.е. учитывая обстановку, сглаживая, а не обостряя конфликты. При этом важно не только не разрушать прежние дороги и мосты, а укреплять их и прокладывать новые. А если применить такую метафору к взаимодействию Конституционного Суда с Европейским Судом по правам человека, то можно сказать, что это должны быть дороги и мосты с двусторонним движением.

¹¹ Наиболее показательной в этом плане является практика Федерального Конституционного Суда ФРГ, опирающаяся на выработанную им в постановлениях от 11 октября 1985 г., от 14 октября 2004 г. и от 13 июля 2010 г. правовую позицию относительно «ограниченной правовой силы постановлений Европейского Суда по правам человека». В частности, при разрешении вопроса об исполнении Постановления ЕСПЧ от 26 февраля 2004 г. по делу «Гергюлю (Gorgulu) против Германии» ФКС сформулировал принцип приоритета национальной конституции перед решениями ЕСПЧ для целей национального правоприменения. Содержание этого принципа сводится к тому, что во внутреннем правопорядке Конвенция о защите прав человека и основных свобод имеет статус федерального закона и наряду с практикой Европейского Суда по правам человека служит лишь ориентиром для толкования при определении содержания и сферы действия основных прав и принципов Основного Закона ФРГ. Более того, он служит таким ориентиром лишь при условии, что это не ведет к ограничению или умалению основных прав граждан, защищаемых Основным Законом ФРГ. Аналогичный подход использовал Конституционный Суд Итальянской Республики, не согласившийся с выводами ЕСПЧ по правам человека относительно трансграничных пенсионных выплат, которые были сформулированы в Постановлении от 31 мая 2011 г. по делу «Маджо и другие против Италии». В Постановлении от 19 ноября 2012 г. по делу № 264/2012 итальянский Конституционный Суд указал, что соблюдение международных обязательств не может являться причиной снижения уровня защиты прав, уже заложенного во внутреннем правопорядке, но, напротив, может и должно представлять собой действенный инструмент расширения этой защиты. По мнению итальянской конституционной юстиции, противоречие между защитой, предусмотренной Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и конституционной защитой основных прав должно разрешаться в направлении максимального расширения гарантий и при условии обеспечения надлежащего соотношения с иными интересами, защищаемыми конституцией. Более того, в Постановлении Конституционного Суда Итальянской Республики от 22 октября 2014 г. № 238/2014 (в связи с решением Международного Суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств) Конституционный Суд Италии указал, что решение любого международного судебного органа в случае конфликта с основными конституционными принципами итальянского права делает невозможным какое-либо его восприятие в контексте ст. 10 национальной Конституции (которая в обычных условиях предусматривает автоматическую рецепцию международных норм). Конституционный Суд Австрийской Республики, признавая значимость Конвенции о защите прав человека и основных свобод и основанных на ней постановлений Европейского Суда по правам человека, также пришел к выводу о невозможности применения конвенционных положений в истолковании Европейского Суда по правам человека, противоречащим нормам национального конституционного права (Постановление от 14 октября 1987 г. по делу № B267/86). Наконец, британский Верховный Суд в решении от 16 октября 2013 г. отметил неприемлемость для британской правовой системы выводов и толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 6 октября 2005 г. по делу «Херст против Соединенного Королевства (№ 2)» относительно проблемы избирательных прав заключенных. Согласно его правовой позиции решения Европейского Суда по правам человека в принципе не воспринимаются как подлежащие безусловному применению. По общему правилу они лишь «принимаются во внимание», следование же этим решениям признается возможным лишь в том случае, если они не противоречат основополагающим материальным и процессуальным нормам национального права.

О совершенствовании процессуального законодательства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение

*Кротов Михаил Валентинович,
Полномочный представитель Президента Российской Федерации
в Конституционном Суде Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена вопросам, возникающим при рассмотрении судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение. По мнению автора, особое значение данный вопрос приобретает в связи с увеличением количества обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, основанием для которых явились судебные решения, вынесенные в рамках рассмотрения гражданских дел в порядке особого производства. Анализируя данную проблему и на основании вынесенных Конституционным Судом решений, автор делает вывод о необходимости совершенствования федеральным законодателем механизма рассмотрения гражданских дел в порядке особого производства, в том числе по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, порядок особого производства, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, процедурные аспекты особого производства.

Поводом к написанию данной статьи послужило дело, рассмотренное Конституционным Судом РФ по жалобе граждан Кузичева Ю.И. и Плотникова С.А. о проверке соответствия Конституции РФ Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 13 августа 1993 г. № 5625-Т «Об утверждении Списка работ, относящихся к работам по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, проведенным в период с 26 апреля 1986 года по 31 декабря 1990 года в зоне отчуждения Российской Федерации».

Постановление Верховного Совета Российской Федерации оспаривалось заявителями в той части, в которой в нем содержится условие о том, что работы, связанные с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС, признаются таковыми, если они выполнялись в зоне отчуждения по указанию государственных органов исполнительной власти.

Кузичев Ю.И. и Плотников С.А. по направлению Брянского государственного технологического института в составе студенческого строительного отряда, прикрепленного к Красногорскому МПМК, принимали в августе — сентябре 1986 г. участие в работах по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы на подвергшейся радиоактивному загрязнению территории Красногорского района Брянской области, в том числе населенного пункта Барсуки, находящегося в границах зоны отчуждения.

В связи с отказом в выдаче им удостоверения участника ликвидации последствий чернобыльской аварии они обратились в суд с целью установления факта, имеющего юридическое значение. Суды, рассматривавшие дело, со ссылкой на представленные документы и свидетельские показания зафиксировали факт работы Кузичева Ю.И. и Плотникова С.А. в «Красногорском МПМК» и участие в строительстве

жилья на территории Барсуковского сельского поселения Красногорского района Брянской области. В установлении же факта участия в работах по ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС отказали со ссылкой на ст. 262 и 265 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с тем, что ими не представлено доказательств, что работы в зоне отчуждения выполнялись по указанию государственных органов исполнительной власти.

В последнее время Конституционный Суд РФ не раз сталкивался с обращениями заявителей, основанными на судебных решениях, вынесенных в рамках рассмотрения гражданских дел в порядке особого производства, предусмотренного в подразделе IV Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в частности об установлении фактов, имеющих юридическое значение. Помимо упомянутого дела, можно привести в качестве примера постановления Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2011 г. № 24-П, от 9 июля 2013 г. № 18-П, от 6 февраля 2014 г. № 2-П.

Анализ подобных обращений позволяет сделать вывод о наметившейся необходимости совершенствования федеральным законодателем механизма рассмотрения гражданских дел в порядке особого производства и такой его классической разновидности, как дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

В соответствии со ст. 263 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации дела особого производства рассматриваются и разрешаются судом по общим правилам искового производства с особенностями, установленными главами 27, 28, 38 ГПК РФ. Также указанная статья определяет, что дела особого производства суд рассматривает с уча-

ствием заявителей и других заинтересованных лиц. Подобное регулирование повторяет подход ранее действовавшего Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г.

Принимая во внимание отсутствие в доктрине единого мнения в вопросе о правовой природе особого производства¹, общее значение законодатель придал исковому производству и предусмотрел, что остальные виды производства регулируются нормами-изъятиями или нормами-дополнениями, сосредоточенными в специальных подразделах. Аналогичным образом построена и система арбитражного процессуального законодательства, где правила искового производства выполняют роль общих для искового, административного, особого, упрощенного производства, а также производства по корпоративным спорам, групповым искам, по делам о несостоятельности (банкротстве). Как отмечается учеными-процессуалистами², содержание главы 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в части особого производства в арбитражном процессе соответствует классическому пониманию сущности особого производства. В арбитражном процессе законодатель отождествляет понятия «особое производство» и «производство по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение», наделяя их статусом самостоятельного вида судебного производства.

Таким образом, суд при рассмотрении дел особого производства, в том числе при установлении фактов, имеющих юридическое значение, должен руководствоваться общими принципами гражданского судопроизводства, порядком подготовки дела к судебному разбирательству и соответствующими стадиями судебного разбирательства. Среди наиболее значительных особенностей судебного разбирательства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, следует назвать усеченное действие принципа состязательности. Принцип состязательности в исковом производстве означает, что суд не вправе изменить предмет рассмотрения, а обязан исходить из требований, заявленных истцом; доказательства представляются исключительно сторонами процесса, по собственной инициативе суд не вправе истребовать доказательства; оспаривать вынесенное решение могут только стороны, участвовавшие в рассмотрении дела. Реализация данных положений в делах об установлении фактов, имеющих юридическое значение, может предполагать, что заявитель, представив собственные доказательства, настаивает на установлении судом какого-либо факта, а суд не вправе исследовать никаких иных, даже очевидных, доказательств, поскольку заявитель их не представил. Кроме того, в данной категории дел

нет другой стороны, которая, например, оспаривала бы существование спорного факта и могла бы представить иные доказательства либо информацию о наличии архивных документов. При таком подходе очевидна возможность злоупотреблений, устранить которые в дальнейшем весьма затруднительно, поскольку обжаловать вынесенный акт фактически может только сам заявитель.

Поскольку принципиальным критерием разграничения искового и особого производства служит наличие спора о праве, постольку если при подаче заявления или рассмотрении дела в порядке особого производства устанавливается наличие спора о праве, подведомственного суду, то суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения, в котором разъясняет заявителю и другим заинтересованным лицам их право разрешить спор в порядке искового производства. Как отметил Конституционный Суд РФ, указание на гражданско-правовой характер спора как критерий его возможного разрешения посредством третейского разбирательства означает, что в системе действующего правового регулирования не допускается передача на рассмотрение третейского суда, в том числе, дел, рассматриваемых в порядке особого производства, не отвечающих традиционным признакам споров о праве (Постановление от 26 мая 2011 г. № 10-П).

Непосредственно при рассмотрении дела об установлении юридического факта никакое субъективное право действительно не оспаривается и не защищается³. Ввиду того что дела особого производства характеризуются отсутствием сторон с противоположными интересами, отсутствием спора о праве, состязание как таковое несовместимо с правовой природой данного вида производства. При этом очевидно, что отсутствие спора о праве не всегда означает бесспорность устанавливаемого факта. Однако с учетом того, что установление юридических фактов может быть подведомственно административным органам или судам, разграничение компетенции между ними во многом предопределяется характером самих юридических фактов. Если установление и регистрация очевидных фактов в большинстве случаев относятся к компетенции административных органов, то судебная форма предусмотрена лишь для установления тех фактов, существование которых не очевидно.

Для установления юридических фактов в порядке особого производства необходима совокупность целого ряда дополнительных условий: во-первых, у заявителя должна отсутствовать возможность получить или восстановить документы, удостоверяющие искомый факт во внесудебном порядке; во-вторых, законом не должен быть предусмотрен иной порядок

¹ Обобщая полемику по данному вопросу, А.В. Юдин выделил две основные тенденции его разрешения (Юдин А.В. Особое производство в арбитражном процессе. Самара, 2003. С. 67):

1) определение особого производства через сравнение, т.е. путем сравнения особого производства с исковым (Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло. М., 1976. С. 11);

2) определение особого производства через отрицание, т.е. через отсутствие определенных признаков, свойственных исковому производству (по данному признаку особое производство было отнесено в литературе к так называемым неисковым производствам (см., например: Чечот Д.М. Неисковые производства. М., 1973; Мельников А.А. Особое производство в советском гражданском процессе. М., 1964 и др.).

² Подробнее см.: Чудиновская Н.А. Установление юридических фактов в гражданском и арбитражном процессе / под ред. В.В. Яркова. М.: Волтерс Клувер, 2008. 192 с.

³ Чечот Д.М. Неисковые производства. М., 1973. С. 16.

установления соответствующих фактов; и наконец, установление юридического факта должно отвечать конкретной цели.

Именно возможность спора о факте обуславливает участие в деле заинтересованных лиц, обладающих возможностью оспаривать обстоятельства, подтверждения которых требует заявитель. Однако заинтересованные лица в особом производстве не являются третьими лицами, права и обязанности которых не распространяются в полном объеме на заинтересованных лиц. Суд заслушивает заявителя и исследует представленные им доказательства, а также заслушивает мнение заинтересованных лиц относительно просьбы заявителя. Однако представляется бесспорным, что если при рассмотрении иска суд должен не только установить наличие или отсутствие тех или иных фактов, имеющих юридическое значение, но и сделать из установленных фактов правовые выводы, т.е. непосредственно разрешить гражданско-правовой спор, то в рамках особого судопроизводства суд осуществляет административно-управленческую функцию.

С одной стороны, это означает, что суд не вправе, как это имело место при рассмотрении конкретного дела заявителей Ю.И. Кузичева и С.А. Плотникова, сославшись на положения ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о том, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, и руководствуясь принципом состязательности, не осуществлять активных действий, направленных на выявление и констатацию тех или иных обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение, прекращение у заявителя определенных прав и обязанностей, в том числе путем направления соответствующих запросов и привлечения возможных заинтересованных лиц. Пассивное поведение суда, оценивающего лишь представленные заявителем доказательства, как правило, в виде показаний свидетелей, может приводить к вынесению, по сути, несправедливого решения, когда в дальнейшем выясняется, что требование ст. 265 ГПК РФ об установлении судом факта, имеющего юридическое значение, только при невозможности получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов, не выполняется.

С другой стороны, представляется немаловажным и то, что интерес заявителя в делах особого производства состоит только в установлении существования определенного юридического факта. Решение суда по делам особого производства не разрешает до конца вопрос о правоотношениях заявителя или других заинтересованных лиц. Данный вопрос разрешается за пределами особого производства, поскольку задача суда исчерпывается установлением наличия или отсутствия юридического факта. Суд не вправе подменять собой административный орган и давать гражданско-правовым отношениям определенную юридическую квалификацию, что фактически осуществил суд общей юрисдикции в отношении заявителей Ю.И. Кузичева и С.А. Плотникова, анализируя вопрос о соответствии их требованиям, предъявля-

емым к ликвидаторам последствий чернобыльской катастрофы.

И здесь применительно к проблеме определения компетенции суда в делах особого производства нельзя не отметить необходимость надлежащего разграничения законодателем процедуры установления фактов, имеющих юридическое значение, и смежной процедуры оспаривания действий государственного органа в рамках производства, вытекающего из публичных правоотношений по правилам главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (ранее — главы 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), в том числе в целях недопущения возможных злоупотреблений правом на обращение в суд и установления юридических фактов лишь на основе свидетельских показаний.

Возложение в соответствии с ч. 11 ст. 226 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации обязанности по доказыванию обстоятельств, послуживших основанием для принятия нормативного правового акта, его законности, а также законности оспариваемых решений, действий (бездействия), на орган, организацию, лицо, наделенные государственными или иными публичными полномочиями, на принятие оспариваемого решения, а также наличие у суда полномочий по истребованию доказательств по своей инициативе в целях правильного разрешения дела (ч. 12), наилучшим образом позволит обеспечивать установление истинных юридических фактов по делу и избежать осуществления судом, по сути, административной деятельности под видом правосудия.

При искажении процедуры установления фактов, имеющих юридическое значение, распространение на нее в полной мере принципа состязательности может приводить, с другой стороны, к невозможности пересмотра вынесенного судебного решения в отсутствие его обжалования со стороны заинтересованных лиц, включая органы, организации, лица, наделенные государственными или иными публичными полномочиями.

Кроме того, поскольку по рассматриваемой категории дел участие прокурора законодательством не предусмотрено, прокуратура не наделена полномочиями обжалования судебных актов в целях содействия осуществлению правосудия. Не предусмотрена законом и возможность отмены судебного акта, вынесенного без должной подготовки дела к судебному разбирательству, когда выявляются документы, подтверждающие или опровергающие факт, рассматриваемый судом. Единственным способом обжалования данного судебного акта может выступать производство по вновь открывшимся обстоятельствам (глава 42 ГПК РФ), однако непосредственное применение данного института весьма проблематично, ибо наличие архивных документов, которые отсутствовали у заявителей, не может трактоваться ни как вновь открывшееся, ни как новое обстоятельство в том значении, которое им придается в ст. 392 ГПК РФ.

Специфика дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, отсутствие в них спора о праве ставит еще один любопытный вопрос, связанный с тем, возможно ли рассматривать дела об уста-

новлении фактов, имеющих юридическое значение, в качестве дел, в которых потенциально возможно рассмотрение вопроса о нарушении конституционных прав и свобод граждан. Коль скоро целью особого производства является установление факта, а не его правовая квалификация, то собственно права и свободы граждан данными решениями суда не могут быть затронуты, а установление фактов не относится к компетенции Конституционного Суда РФ: Конституционный Суд РФ решает исключительно вопросы права, при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов (ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Пожалуй, единственным исключением могут быть вопросы доступа к правосудию, т.е. процедурные аспекты особого производства. Из данного вывода следует, что дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, не должны служить основанием для обращения в Конституционный Суд ввиду отсутствия нарушения конституционных прав и свобод граждан (ч. 4 ст. 125 Конституции РФ). К сожалению, рассмотренные Конституционным Судом Российской Федерации дела свидетельствуют о том, что Высший Суд считает иначе.

Следует обратить внимание, что действующее законодательство о наследовании провоцирует необходимость использования рассматриваемого института. Предусмотрев в ст. 1142–1145 ГК РФ семь очередей наследников, в которых установлена возможность наследования лицами, состоящими в пя-

той степени родства в качестве наследников шестой очереди: дети двоюродных внуков и внучек наследодателя (двоюродные правнуки и правнучки), дети его двоюродных братьев и сестер (двоюродные племянники и племянницы) и дети его двоюродных дедушек и бабушек (двоюродные дяди и тети) (п. 2 ст. 1145), законодатель не указал, какими доказательствами следует подтверждать такую степень родства. Поскольку степень родства определяется количеством рождений, то необходимо предъявить как минимум свидетельства о рождении всех родственников, а также их документы о браке, если изменялась фамилия и т.д. Нетрудно понять, что таким семейным архивом обладают далеко не все семьи. Следовательно, устанавливать наличие родственных отношений будут в судебном порядке, однако законодатель не предусмотрел норм об установлении факта состояния в родственных отношениях, устанавливать придется факт рождения одного родственника от другого. Вероятно, гражданам будут предлагать пройти именно судебную процедуру вместо сложного поиска в архивах органов ЗАГС и церковных записях сведений о рождении родственников.

В заключение хотелось бы отметить, что прогнозируемое развитие гражданского процессуального законодательства в этом направлении с целью разрешения обозначенных нами вопросов процедуры особого производства должно привести к единому пониманию и должному применению института производства по установлению фактов, имеющих юридическое значение, при действительном отсутствии спора о субъективном материальном праве.

К вопросу о правовой природе судопроизводства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение

*Жилин Геннадий Александрович,
судья Конституционного Суда Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
zhil@ksrf.ru*

Статья подготовлена в порядке научной дискуссии с автором представленной в данном номере статьи М.В. Кротовым, изложившим свой взгляд на проблему в статье «О совершенствовании процессуального законодательства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение». Ссылаясь на практику конституционного судопроизводства, автор указывает на ошибочность позиции, согласно которой специфика дел особого производства не предполагает нарушения по ним конституционных прав и свобод граждан и организаций. Указывается, что в обращениях в Конституционный Суд заявители часто оспаривают конституционность норм материального права, полагая, что именно их применение привело к нарушению конституционных прав. Данный вывод неоднократно находил свое подтверждение в постановлениях Конституционного Суда.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, производство по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

Специфика правовой природы производства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, которое в гражданском процессе является одной из процессуальных форм особого производства, а в арбитражном процессе его единственной формой, проистекает из особого нормативно-процессуального порядка рассмотрения и разрешения определенной группы гражданских дел, обусловленного характером и спецификой защищаемого (охраняемого) права. Дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, рассматриваются и разрешаются по общим правилам искового производства с особенностями, установленными для судов общей юрисдикции главами 27 и 28 ГПК РФ, а для арбитражных судов главой 27 АПК РФ. Основной признак этих дел состоит в отсутствии по ним спора о субъективном материальном праве, реализация которого заявителем, тем не менее, требует судебного установления определенного юридического факта, существование которого неочевидно.

В доктрине цивилистического процесса вопросы о правовой природе особого производства, о предпочтительности того или иного нормативно-процессуального порядка его осуществления на протяжении длительного времени остаются одними из активно обсуждаемых и дискуссионных. Вызывают трудности рассмотрение и разрешение соответствующих дел и у судов, поскольку определение на практике наличия или отсутствия спора о праве при производстве по заявлению об установлении юридического факта, возможности или невозможности его установления в ином (несудебном) порядке часто

представляет значительную сложность. В результате встречаются случаи как необоснованного отказа заявителю в рассмотрении и разрешении дела по его заявлению в порядке особого производства, так и применения данного порядка при наличии между заявителем и заинтересованным лицом (лицами) спора о праве или наличия возможности получения или восстановления в административном порядке документа, удостоверяющего конкретный юридический факт.

Одним из способов преодоления существующих разногласий в доктрине и трудностей в судебной практике могла бы быть более детальная и четкая регламентация процедуры установления юридических фактов в процессуальном законодательстве, максимально учитывающая специфику дел соответствующей категории. На необходимость такой регламентации через призму практики Конституционного Суда РФ и обращает внимание В.М. Кротов в своей статье «О совершенствовании процессуального законодательства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение». Содержащиеся в статье предложения по совершенствованию законодательного регулирования заслуживают внимания и весьма актуальны, тем более что в настоящее время идет работа над единым для судов общей и арбитражной юрисдикции Гражданским процессуальным кодексом РФ, концепция которого утверждена Решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)¹.

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем ряд аргументов автора в обоснование своей позиции, по меньшей мере, требуют уточнения с учетом места соответствующего судопроизводства в системе правовых средств, обеспечивающих в своей совокупности защиту (охрану) прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в Российской Федерации. Следует также учитывать и необходимость при законодательном регулировании следовать общепризнанным стандартам и требованиям, предъявляемым к суду, как органу судебной власти, с тем чтобы его деятельность отвечала критериям справедливого судопроизводства, а правовая система страны обеспечивала посредством правосудия права и свободы человека и гражданина.

Так, цивилистическое процессуальное законодательство, воспроизводя положение ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, относящееся к российскому судопроизводству, в целом предусматривает, что гражданское судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 1 ст. 12 ГПК РФ, ч. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 9 АПК РФ). Данному требованию подчинены все разновидности цивилистического судопроизводства, в том числе и производство по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, однако при этом следует иметь в виду, что чисто состязательное судопроизводство — это абстракция. В реальной жизни его не существует, поскольку состязательность в той или иной степени всегда сочетается со следственными началами, что характерно не только для российской правовой системы.

Для подтверждения этого применительно к российскому гражданскому судопроизводству достаточно обратиться к положениям иных процессуальных норм в их системной взаимосвязи, и прежде всего к тем из них, которые содержатся в ч. 2 ст. 12 ГПК РФ и ч. 2 и 3 ст. 9 АПК РФ. В этом смысле во всех видах цивилистического судопроизводства действие принципа состязательности ограничено и сочетается с достаточно активной ролью суда, но с разной степенью проявления такого ограничения за счет усиления судейской активности. В наибольшей степени состязательность характерна для искового производства, что не дает, однако, оснований при его сопоставлении с особым производством исходить лишь из абстрактных признаков состязательного судопроизводства².

Дела об установлении юридических фактов рассматриваются судом с участием заинтересованных лиц, права которых могут быть затронуты решением (ч. 2 ст. 263 ГПК РФ, ч. 2 ст. 221 АПК РФ). При возникновении между заявителем и заинтересованными лицами спора о праве, подведомственном соответственно суду общей юрисдикции или арбитражному суду, суд оставляет заявление без рассмотрения и разъясняет заявителю и другим заинтересованным по делу лицам их право разрешить спор в порядке искового производства (ч. 3 ст. 263 ГПК РФ, ч. 4 ст. 221 АПК РФ).

Из приведенных положений закона следует, что юридический факт устанавливается в особом про-

изводстве, когда нет необходимости разрешать спор о самом субъективном праве, существование которого зависит от наличия или отсутствия данного факта. Констатируя наличие юридического факта при отсутствии спора о праве, суд вносит определенность в материальное правоотношение, устраняя для заявителя препятствия для распоряжения своим правом. Этим самым защита субъективного права осуществляется более простым способом, поскольку при отсутствии спора о самом праве суду нет необходимости в полном объеме устанавливать содержание материального правоотношения. В результате правосудие по таким делам по сравнению с обычной процедурой искового производства становится более доступным для заинтересованных в установлении юридического факта лиц, его цели достигаются с большей эффективностью.

Таким образом, особое производство по установлению фактов, имеющих юридическое значение, изначально не предназначено для разрешения споров о субъективном материальном праве, однако вряд ли правильно делать из этого вывод о беспорности соответствующей судебной процедуры. Не разрешая вопрос о содержании прав и обязанностей участников материальных правоотношений в таком производстве, суд вместе с тем с использованием процедуры доказывания устанавливает наличие или отсутствие соответствующих юридических фактов, существование которых неочевидно. Соответственно и по таким делам возникает спорная ситуация, как правило, с участием государственного органа, который не признает за лицом какого-либо субъективного права без соответствующего решения, что и вынуждает заявителя обратиться в суд. Из этого следует, что при отсутствии спора о праве может возникнуть спор о юридическом факте, и каких-либо препятствий для разрешения такого спора в особом производстве не имеется. Фактическими сторонами в таком споре, при номинальном отсутствии соответствующих субъектов в особом производстве, будут заявитель и заинтересованные лица, и этот спор о фактах в случае его возникновения подлежит разрешению судом на основе принципов состязательности и равноправия сторон. Причем помимо фактов материально-правового характера в делах данной категории может возникнуть спор и по поводу процессуальных юридических фактов, подлежащих доказыванию по правилам состязательного процесса.

В частности, в соответствии со ст. 264, 265 ГПК РФ, ст. 218, 220 АПК РФ суд устанавливает юридические факты в особом производстве только при невозможности установления их в ином внесудебном порядке и при условии, что они порождают юридические последствия. Обязанность по доказыванию этих обстоятельств лежит на заявителе (ст. 56, 267 ГПК РФ, ст. 65, 220 АПК РФ), соответственно, заинтересованное лицо вправе их оспорить. Возможен также спор о судебной подведомственности дела, поскольку согласно ст. 264 ГПК РФ и ч. 1 ст. 218 АПК РФ арбитражный суд устанавливает в особом производстве только факты, имеющие юридическое значение для

² Подробнее о сочетании в российском гражданском судопроизводстве состязательности со следственными началами и роли в нем суда, о специфике проявления данного принципа в особом производстве см.: Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., 2010. С. 472–493.

возникновения, изменения или прекращения прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Установление в порядке особого производства всех других юридических фактов возлагается на суд общей юрисдикции.

При характеристике процессуального статуса субъектов производства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, не следует преуменьшать роль заинтересованных лиц, которые, как и заявители в данном производстве, относятся к категории лиц, участвующих в деле, и наделены законом тем же набором основных процессуальных прав, какими обладают стороны и третьи лица в исковом производстве (ст. 34 и 35 ГПК РФ, ст. 40 и 41 АПК РФ). В частности, они имеют право представлять доказательства и участвовать в их исследовании, заявлять ходатайства, в том числе об истребовании доказательств, обжаловать судебные акты. Правом на обжалование судебных актов наделяются и лица, не привлеченные к участию в деле, о правах и обязанностях которых суд принял судебный акт, что вполне возможно в случаях, когда состав заинтересованных лиц надлежащим образом не был определен, в результате чего не было установлено наличие спора о праве.

В силу специфики особого производства, где не должно быть спора о субъективном материальном праве, заинтересованное лицо менее стимулировано для активного участия в состязании с заявителем, следствием чего может быть его пассивное поведение при реализации своих процессуальных прав, гарантированных законом. Кроме того, в производстве по таким делам, включая и дела об установлении юридических фактов, обычно присутствует значительный публичный интерес. Нельзя также исключать, что за инициативой в возбуждении судебного порядка установления факта будут скрываться попытки отдельных лиц использовать его в целях последующего неправомерного получения льгот и иных имущественных выгод.

Негативные последствия пассивного поведения заинтересованных лиц при установлении обстоятельств дела с возможным ущемлением публичных интересов могут быть компенсированы более активной ролью суда, в связи с чем следовало бы законодательно закрепить право суда на такую активность по всем делам особого производства. Верховный Суд РФ в п. 10 Постановления Пленума от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» обратил внимание судов на то, что по делам особого производства не исключается право суда истребовать необходимые доказательства по собственной инициативе³. При этом он сослался на ст. 272 в главе 29 ГПК РФ, определяющую особенности производства по делам об усыновлении (удочерении). Однако такая же необходимость усматривается и в других особых производствах, в том числе и в производстве по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, на что правомерно и обращает внимание в своей статье М.В. Кротов.

Установление юридического факта в особом производстве нужно не само по себе, а для устране-

ния препятствий в реализации заявителем субъективного материального права, а потому установлению подлежат лишь факты, имеющие юридическое значение. Заявитель обязан указать, для какой цели необходимо установление факта, и доказать суду, что от искомого факта зависит возникновение (изменение, прекращение) его личных либо имущественных прав. При этом сам порядок установления фактов в особом производстве определяется нормами процессуального права, но для выявления их юридического значения необходимо обращение к нормам материального права.

Так, согласно п. 1 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ суд рассматривает дела об установлении родственных отношений. Если заявителю установление соответствующего факта необходимо для вступления в права наследования по российскому праву, суд для оценки его юридического значения должен обратиться к нормам раздела V «Наследственное право» в части третьей ГК РФ и, по меньшей мере, определить, отвечает ли указанная заявителем степень родства критериям очередности наследования по закону.

В тех случаях, когда суд приходит к выводу, что заявитель обращается за установлением факта, который в силу требований материально-правовых норм юридических последствий не порождает, он не вправе его устанавливать. Соответственно, к нарушению конституционных прав по делам данной категории, и не только относящихся к вопросам доступа к правосудию, может привести применение норм не только процессуального, но и материального права, определяющих содержание возникающих на их основе правоотношений. Причем это возможно как при отказе в установлении факта, так и при его установлении, а потому может затрагивать конституционные права не только заявителя, но и заинтересованных лиц. В связи с этим нельзя согласиться с тем, что применение закона по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, в соответствии с правовой природой особого производства не может привести к нарушению конституционных прав и свобод граждан, гарантированных нормами материального права, а потому не должно служить основанием для обращения в Конституционный Суд РФ.

Непроходимой грани между особым и исковым производствами не существует, в том и другом производстве суд устанавливает юридические факты, порождающие возникновение, изменение или прекращение правоотношений, содержанием которых являются права и юридические обязанности их субъектов. Лишь наличие спора о праве требует перевода процедуры рассмотрения и разрешения вопроса об установлении факта в процессуальную форму искового производства. Было бы неправильным ставить вопрос о наличии нарушения конституционных прав и возможности их защиты Конституционным Судом РФ лишь в зависимости от процессуальной формы правосудия, посредством которого обеспечиваются в Российской Федерации права, свободы и законные интересы граждан и организаций.

Тем более что не исключена возможность установления судом юридического факта в процедуре особого производства при наличии спора о праве,

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 11.

что также само по себе не препятствует Конституционному Суду РФ принять к рассмотрению обращение о нарушении конституционных прав законом, примененном в конкретном деле. В соответствии с требованиями ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд РФ при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов. Не вправе он и проверять законность и обоснованность судебных актов, поскольку это относится к полномочиям вышестоящих судебных инстанций в системе судов общей и арбитражной юрисдикции.

Ошибочность позиции, согласно которой специфика дел особого производства не предполагает нарушения по ним конституционных прав и свобод граждан и организаций, наглядно подтверждается и практикой конституционного судопроизводства. В обращениях в Конституционный Суд РФ, которые были основаны на судебных решениях, принятых по итогам рассмотрения и разрешения дел в порядке особого производства, всякий раз оспаривалась конституционность норм материального права, поскольку заявители полагали, что именно их применение привело к нарушению конституционных прав. Это имело место как при явном отсутствии спора о праве в деле, рассмотренном судом в порядке особого производства, так и при неоднозначности ситуации относительно наличия или отсутствия данного обстоятельства, что не препятствовало и не могло препятствовать защите прав и свобод граждан и организаций средствами конституционного судопроизводства.

Так, в упомянутом в статье М.В. Кротова деле районный суд отказал Ю.И. Кузычеву и С.А. Плотникову в установлении факта их участия в работах по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, с чем согласились все вышестоящие инстанции, включая Верховный Суд РФ, со ссылкой на Список работ, относящихся к работам по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, проведенным в период с 26 апреля 1986 г. по 31 декабря 1990 г. в зоне отчуждения Российской Федерации, утвержденный Постановлением Верховного Совета РФ от 13 августа 1993 г. № 5625-Т. Основанием для отказа в удовлетворении их заявления послужила норма примечания к названному Списку, согласно которой работы, связанные с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС, признаются таковыми, если они выполнялись в зоне отчуждения по указанию государственных органов испол-

нительной власти. Заявители же принимали участие в работах в зоне отчуждения по направлению государственного технологического института в составе студенческого строительного отряда, что и явилось основанием для отказа в признании их участниками ликвидации последствий чернобыльской аварии.

Такое решение комиссия по рассмотрению заявлений и документов для оформления и выдачи удостоверения участникам ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС приняла, хотя Ю.И. Кузычев и С.А. Плотников были приняты временными работниками на предприятие, привлеченное к работам по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы с соблюдением названного в Списке условия, и другие работники данного предприятия за работу в тот же период приобрели соответствующий статус. Согласился с таким решением и суд, рассмотрев дело заявителей в порядке особого производства. Однако применительно к конституционному судопроизводству проблема заключается не в установлении и оценке фактических обстоятельств и не в соблюдении судом первой инстанции процессуальной формы рассмотрения и разрешения дела, адекватной установленному законом порядку гражданского судопроизводства. Тем более что с решением суда первой инстанции согласились все вышестоящие суды, включая Верховный Суд РФ.

Существенным для конституционного судопроизводства в данном случае является то, что правовое регулирование правоотношений в данной сфере с очевидностью, в нарушение конституционного принципа равенства, приводит к необоснованным различиям в определении условий признания граждан, относящихся к одной и той же категории, участниками ликвидации последствий чернобыльской аварии и, соответственно, лишает часть из них права на возмещение вреда и социальную поддержку, гарантированного Конституцией РФ и федеральным законом. А это уже прерогатива Конституционного Суда РФ, который в Постановлении от 1 апреля 2014 г. № 9-П по жалобе Ю.И. Кузычева и С.А. Плотникова и признал соответствующую норму противоречащей Конституции РФ, ее статьям 19 (часть 2), 42 и 55 (части 2 и 3)⁴. Отказ Конституционного Суда РФ в принятии к рассмотрению жалобы данных заявителей означал бы при таких обстоятельствах отступление от конституционных принципов обеспечения правосудием прав и свобод человека и гражданина, гарантии их судебной защиты, вступал бы в противоречие с целями конституционного судопроизводства (ст. 18, 46 Конституции РФ, ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

⁴ Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 4.

Конституционные ценности и совершенствование современной конституционно-правовой политики Российской Федерации

*Баранов Павел Петрович,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Южно-Российского института управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
pravosoznanie@gmail.com*

*Овчинников Алексей Игоревич,
профессор кафедры теории и истории зарубежного и российского права
Владивостокского государственного университета экономики и сервиса,
доктор юридических наук, профессор
k_fp3@mail.ru*

В работе анализируются теоретико-методологические проблемы конституционной аксиологии, дается определение конституционных ценностей, предлагается характеристика элементов конституционно-правовой политики с позиции конституционных ценностей. Авторы обращают внимание на проблемы в конституционно-правовой политике современной России в контексте особенностей ее конституционно-ценностной самобытности.

Ключевые слова: конституционные ценности, конституционное правосознание, государственная власть, государство, конституционно-правовая политика, конституционализм, конституция, конституционное право.

В современном государстве идеал политической и общественной жизни зависит от господствующих конституционных или конституционно-правовых ценностей. Современная гуманитарная наука рассматривает ценности как определенные свойства предмета или явления, обладающие важным значением для отдельного человека или общества в целом. С одной стороны, ценности сами являются объектом стремлений и притязаний, с другой стороны, служат идеям реализации интересов личности.

Определенная система ценностей, а также их определенная иерархия являются определяющим принципом для законодательной деятельности любого государства. В Основном Законе Российской Федерации закреплена система либерально-демократических ценностей, тогда как в правовой системе Советского государства присутствовала социалистическая иерархия ценностей. Такие правовые ценности, которые пользуются изначальной защитой норм Основного Закона, как правило, называют конституционными.

Наиболее общим определением конституционных ценностей может быть следующее: конституционные ценности — это закрепленные в Конституции РФ или выводимые в процессе толкования ее норм основополагающие общественно значимые идеалы, блага, идеи и приоритеты, определяющие содержание всей правовой политики государства и всей юридической практики. В юридической литературе обращается внимание на следующие об-

щие характеристики конституционных ценностей. Во-первых, в том случае, если конституционные ценности прямо не отражены в тексте нормы, то они могут быть выведены из ее содержания телеологическим толкованием (как, например, ценность отцовства из ст. 38 Конституции РФ). Во-вторых, реальное или фактическое содержание ценностей и их иерархическое соотношение друг с другом выявляются только в процессе применения конституционных норм и их интерпретации в конкретных ситуациях. В-третьих, смысловое наполнение конституционных ценностей формируется в контексте ратифицированных международных договоров Российской Федерации, общепризнанных норм и принципов международного права, а также решений Конституционного Суда РФ. Баланс конституционных ценностей в случае конституционных коллизий возможен благодаря деятельности Конституционного Суда РФ.

Следует иметь в виду, что конституционные ценности формируют условия жизни общества и государственного устройства. Именно они воплощают в себе дух и смысл Конституции. На наш взгляд, к основным и наиболее характерным признакам конституционно-правовых ценностей следует отнести следующие. Во-первых, конституционно-правовые ценности являются основным средством обеспечения и гарантией стабильности функционирования всего конституционного строя Российской Федерации. Во-вторых, конституционно-правовые

ценности лежат в основе базовых императивов нормативного правового регулирования, связывая конкретные юридические цели и конечные результаты. В-третьих, конституционно-правовые ценности призваны решать задачи по консолидации общества, обеспечивая целостное единство его политико-правовой системы. В-четвертых, конституционно-правовые ценности призваны оптимизировать и рационализировать механизм реализации и обеспечения прав и свобод человека и гражданина путем учреждения специализированной системы объективно необходимых ограничений субъективных прав и свобод, а также их имманентных пределов. В-пятых, конституционно-правовые ценности обеспечивают баланс между интересами личности и системой ограничений, призванных служить полноценной реализации прав и свобод этой личностью.

Не вызывает сомнения, что наиболее важным для государства и общества элементом правовой системы, учреждающим ценностную иерархию для всего российского законодательства, является Конституция РФ. Именно нормы современной российской Конституции представляют собой цели и ориентиры для всех остальных правовых норм, рассматриваемых в качестве средств и способов реализации конституционных положений, достижения целей (реализации ценностей), заложенных в конституционных нормах. Ценностная иерархия, определенная Конституцией РФ 1993 г., являющаяся важным сегментом либеральной идеологии, как правило, называется «индивидуалистической», в свою очередь, основываясь на рационалистическом варианте идеи естественного права.

Отличительным признаком либеральной идеологии, как правило, выступает принижение общих или базовых ценностей. Основной ценностью выступает индивид, как носитель соответствующих субъективных прав и свобод. Конституция РФ 1993 г. закрепляет идеологическое многообразие, одновременно являясь, в том числе, базовым идеологическим документом. Такая ситуация напоминает моральный анархизм или автономизацию морали, согласно которой аморальность — тоже своего рода мораль. Одновременно либеральная идеология, формально уже закрепленная в тексте Основного Закона, не рассматривает любую другую идеологию, не признающую интересы личности как высшую ценность, превосходящую консолидированные ценности государства и общества, в качестве допустимой, априори признавая ее архаичной и тоталитарной. В то же время благодаря либеральной идее ценность прав человека и его свобод приобрела весомый статус во многих научно-теоретических исследованиях и систематически получает защиту в решениях Конституционного Суда РФ.

В современном конституционализме возможно рассмотрение феномена ценностей с трех позиций: а) сама по себе Конституция как ценность; б) получившие прямое закрепление в нормах и институтах Конституции ценности; в) имплицитно выраженные

конституционные ценности как результат практической судебной деятельности¹.

В этой связи еще раз следует специально указать на ценность самой Конституции РФ. Ее ценность обусловлена тем, что данный нормативный акт представляет собой совокупность основополагающих ценностных императивов государственно организованного общества, а также других конституционных предписаний, ориентированных на различные сферы общественной и государственной жизни². Соответственно, ценность представляют и определенные свойства Конституции как юридического документа. Конституция, во-первых, является нормирующим актом, определяющим развитие всей системы законодательства; во-вторых, такими свойствами, как высшая юридическая сила и прямое действие, обладают все без исключения конституционные положения, что делает конституционные ценности общезначимыми.

Говоря о ценностях, получивших закрепление в самой Конституции РФ, следует выделить особо их иерархию. Абсолютными ценностями являются те, которые в практической ситуации «заслоняют» собой остальные. К таким ценностям следует отнести помимо человека, его прав и свобод безопасность государства и общества, ради которых могут быть ограничены любые права, даже право на жизнь. Иначе военнослужащий или сотрудник правоохранительных органов мог бы иметь юридическую защиту от наказания за невыполнение своего служебного долга, сопряженного с риском для жизни, а государство не имело бы права требовать принятия присяги и наказывать за дезертирство, так как оставление боевых позиций было бы обусловлено защитой военнослужащим своего права на жизнь. Поэтому признание высшей ценностью прав человека имеет двойной смысл в ситуации воинского долга.

Следует отметить, что на случай конфликта ценностей существует ст. 55 Конституции РФ, согласно которой перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Согласно п. 3 этой статьи права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Перечисленные в этом пункте ценности могут быть рассмотрены в качестве абсолютных.

Не все конституционные ценности получили однозначное формальное закрепление в Конституции РФ. Достаточно четко и однозначно закреплены: ценность человека, суверенитет государства, его территориальная целостность, основы конституционного строя, нравственность, здоровье, оборона страны и безопасность государства, ценность самоопределения и равноправия народов и т.д. Такие важные

¹ Бондарь Н.С. Феномен ценностей в современном конституционализме: основные измерения // Социология и право: специальный выпуск. 2011. № 2 (8). С. 7.

² Бондарь Н.С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления (к 20-летию юбилею) // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 13–24.

для либерализма ценности, как свобода и равенство, тоже получили отражение в Конституции РФ. Напротив, ценности социальной справедливости, блага общества и государства, национальные интересы и национальная безопасность большей частью выявляются в нормах Конституции посредством толкования. Говоря о социальной справедливости, следует отметить, что о справедливости в целом идет речь лишь в Преамбуле («вера в добро и справедливость»), а ее социальное измерение отражает ст. 7, провозглашающая Россию социальным государством. Думается, следовало бы провозгласить в качестве высших ценностей не только человека, но и семью, народы России, многонациональный народ (общество) и государство (Российской Федерации), благо общества и государства. Для этого, на наш взгляд, текст ст. 2 или иной начальной статьи Конституции мог бы содержать следующую формулировку: «Человек, семья, многонациональный народ Российской Федерации являются высшими ценностями. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, семьи и народа — обязанность государства». При этом справедливо считается, что сохранение статуса высшей ценности лишь за человеком — это существенный ценностный дисбаланс Конституции РФ. Такой дисбаланс в сторону личности характерен для индивидуалистической, атомарной модели социума³.

Ведущие конституционалисты отмечают необходимость конституционной реформы ввиду слабости социальной политики государства. Следует признать вслед за ними: в российской Конституции крайне слабо закреплены конституционно-правовые основы экономической деятельности и социальной политики, а также социальных обязанностей государства⁴.

Следует сказать, что в Конституции РФ закреплены преимущественно «западные» идеалы, т.е. ценности материального характера, а не духовно-нравственного, так как ее авторы в свое время целиком и полностью полагались на «завоевания» западной цивилизации. Однако в отличие от общества, в котором материальные блага стоят на первом месте, так называемом обществе потребления, общество, в котором значительную роль играет система духовно-нравственных ориентиров, а Россия традиционно была и остается государством, в политической, социальной, правовой культуре которого духовные ценности играют **важнейшую** мотивационную роль, порождает цивилизацию «служения», цивилизацию, где помощь ближнему выступает наиглавнейшей ценностью. Традиционно в России на первом месте стояли и стоят ценности сострадания, милосердия, добра, социальной справедливости, общего дела, нравственной чистоты и красоты. С учетом того что народы и государства на постхристианском Западе переживают кризис, вызванный наличием разнообразных социальных болезней, демографическим спадом, деградацией семейных отношений и отношений между полами, дефицитом сострадания и милосердия, наркотизацией, «эгоиза-

цией» общества, нашему народу необходимо делать выводы и идти своим конституционным путем.

В России в последние десятилетия определенные надежды на возрождение российских традиционных ценностей возлагались на либеральные реформы, однако духовного возрождения России не произошло, как не произошло и построения общества всеобщей «сытости». Одновременно институт «прав и свобод человека» почти полностью заслонил институт его обязанностей. На протяжении двадцати пяти лет было «разработано» невиданное множество «механизмов» реализации и обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Между тем требуется конституционализация базовых, традиционных ценностей общества. Прежде всего, необходимо защитить ценность традиционной семьи, законодательно закрепив положение о том, что семья признается основой общества и имеет право на защиту своей целостности и содействие развитию со стороны общества и государства, а право на семью признается только за разнополыми парами. Далее, в качестве базовых требуется законодательно закрепить ценности государственности, культуры и нравственности, отдельно установив, что государство обеспечивает и укрепляет целостность российской культуры и нации посредством защиты традиционных духовно-нравственных ценностей: любви к Родине и семье, служения народу и обществу, трудолюбия, взаимопомощи, сострадания и милосердия. Наконец, еще одной конституционной ценностью должны стать ценности «общего блага», интересов общества и государства. В случае реального конституционного закрепления и соответствующего обеспечения указанных ценностей возможно действительное изменение существующего общественного порядка, который на сегодняшний день очень далек от идей правды и справедливости.

Здесь следует отметить и подчеркнуть, что конституционно-правовая политика — это базовый вид правовой политики государства. Конституционно-правовая политика России подставляет собой стратегию развития конституционного права нашего государства, реализуемую в форме научно обоснованной, последовательной и системной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также различных объединений по созданию и совершенствованию системы конституционного права и законодательства в целях наиболее полной реализации конституционных ценностей общества.

Механизм конституционно-правовой политики современной России основан на господствующих в обществе конституционных ценностях, конституционно-правовых мировоззренческих позициях и конституционном правосознании граждан Российской Федерации. Базируясь на Конституции РФ и конституционном законодательстве, конституционно-правовая политика государства вырабатывает конституционно-правовую культуру населения, формирует представления и знания граждан об основах конституционного строя, правах человека и его

³ Елисеев С.Г. Формализация фундаментальных правовых ценностей свободы, равенства и справедливости в конституционном регулировании социальных прав граждан России // Адвокат. 2014. № 11. С. 63–68.

⁴ Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 2–9.

обязанностях, государственном устройстве, системе органов государственной власти и местного самоуправления.

Можно выделить основные, на наш взгляд, признаки и характеристики конституционно-правовой политики. Итак, конституционно-правовая политика задает направление и основной вектор развития всей правовой системы страны. Она же определяет систему приоритетов и принципов права, а также пути развития конституционного правосознания и конституционно-правовой культуры граждан. В результате конституционно-правовой политики повышается степень защищенности человека, интересов государства и общества, упорядоченности и системности конституционного законодательства, а также стройности и организованности политической жизни общества и государства.

Как отмечают исследователи, конституционно-правовая политика определяет не только правотворческую, но и правореализационную, правоохранительную и правозащитную деятельность государства в лице его органов, а также граждан и их объединений по созданию, изменению, отмене правовых норм и изменению сферы их действия⁵. По отношению к Конституции РФ конституционно-правовая политика государства осуществляется различными способами. На современном этапе развития отечественного конституционализма она осуществляется путем специальной корректировки Конституции без вмешательства в ее текст, в процессе интерпретации ее норм, или же издания соответствующих нормативных актов в рамках так называемой ползучей конституционной реформы. При этом отмечается важная роль так называемой живой конституции, разрабатываемой правоприменительной практикой (в основном Конституционным Судом РФ).

Надо сказать, что с экономическим, политическим и социальным развитием неизбежно меняется соотношение юридической и фактической конституций, и вполне естественным выглядит «отставание» первоначального текста Конституции РФ от реальных общественных отношений в быстро меняющемся обществе и государстве.

За последние десять-пятнадцать лет без внесения поправок в Конституцию власти удалось изменить порядок формирования Совета Федерации; учредить институт федеральных округов и полномочных представителей Президента; учредить новую систему разграничения полномочий между Федерацией и ее субъектами; осуществить реформу местного самоуправления; ограничить права граждан на проведение референдумов; существенно ограничить права граждан на проведение митингов и публичных собраний; сократить количество политических объединений, которые могут выступать в качестве реальных политических сил. Подобные шаги в сфере конституционной правовой политики не встречают большого одобрения ученых, так как перечисленных схем сама Конституция не содержит⁶. Не стоит за-

бывать и о реальных изменениях конституционного текста в связи с принятием федеральных законов о поправках к Конституции РФ.

На наш взгляд, при осуществлении конституционно-правовой политики необходимо стремление к реализации ряда приоритетов. Прежде всего, это приоритет народовластия, закрепленный ст. 3 Конституции Российской Федерации, которая гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Для реализации данного приоритета необходим процесс разработки и принятия норм, обеспечивающих участие в этом процессе всех политически активных граждан и выработку компромиссных решений, соответствующих воле всех групп общества, в том числе оппозиционно настроенных, в условиях идеологического многообразия и основанной на нем политической конкуренции⁷.

Следующий приоритет — последовательное обеспечение и воплощение в государственную и общественную жизнь высшей юридической силы и верховенства конституции, обязательного характера ее рамок для народа и всех звеньев государственного механизма. Данный приоритет близок принципу верховенства права. Наиболее важными здесь становятся гарантии действия конституции, в том числе механизмы ответственности, такое свойство Конституции РФ, как стабильность, под которым понимается особый порядок пересмотра конституционных положений, а также конституционный контроль. Не менее важными приоритетами являются: защита и обеспечение прав и свобод человека, разделение властей, принципы прямого действия Конституции.

Следует еще раз указать на особую роль Конституционного Суда РФ в формировании конституционно-правовой политики. Как отмечают исследователи, реализованная в России модель сильной конституционной юстиции является залогом активного влияния Конституционного Суда РФ не только на систему действующего законодательства, но и на саму Конституцию, как и на развитие всей системы российского конституционализма.

В процессе истолкования конституционные ценности подвержены трансформации. Однако определенная устойчивость в представлениях о конституционных ценностях обеспечивается прежде всего объективной природой каждой из них. Изменение представлений людей о конституционных ценностях является результатом конституционно-правовой политики, которая осуществляется различными органами государства, и прежде всего Конституционным Судом РФ. Конституционный Суд РФ, рассматривая вопросы о проверке конституционности правовых норм, как правило, выносит решения с учетом прежде всего конституционных ценностей, одновременно уточняя и корректируя представления о них, тем самым активно участвуя в конституционно-правовой политике.

⁵ Самородова-Богачка Л.В. Конституционно-правовая политика: приоритетные направления // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 9. С. 8–11.

⁶ Добрынин Н.М. Конституционно-правовая наука и российский конституционализм: в поисках выхода из системного кризиса // Право и политика. 2007. № 6. С. 5–10.

⁷ Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М., 2010. С. 27.

Изменением представлений о конституционных ценностях, на наш взгляд, должен заниматься не только Конституционный Суд РФ. В первую очередь в этом процессе должна участвовать наука конституционного права. При этом выделение приоритетных конституционных ценностей в сравнении с другими ценностями должно быть логически обосновано как для отдельных граждан, так и для гражданского общества в целом. На наш взгляд, именно в этом направлении должно происходить развитие конституционно-правовой политики Российской Федерации, основанной на возвышении традиционных духовно-нравственных конституционных ценностей народов России.

Библиографический список

1. Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 2–9.
2. Бондарь Н.С. Феномен ценностей в современном конституционализме: основные измерения // Социология и право: специальный выпуск. 2011. № 2 (8) С. 6–10.
3. Бондарь Н.С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления (к 20-летию юбилею) // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 13–24.
4. Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М., 2010. 234 с.
5. Добрынин Н.М. Конституционно-правовая наука и российский конституционализм: в поисках выхода из системного кризиса // Право и политика. 2007. № 6. С. 5–10.
6. Елисеев С.Г. Формализация фундаментальных правовых ценностей свободы, равенства и справед-

ливости в конституционном регулировании социальных прав граждан России // Адвокат. 2014. № 11. С. 63–68.

7. Самородова-Богачкая Л.В. Конституционно-правовая политика: приоритетные направления // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 9. С. 8–11.

The bibliographic list

1. Avakyan S.A. Do we need constitutional reform in Russia? // Constitutional and municipal law. 2012. № 9. S. 2–9.
2. Bondar N.S. The Phenomenon of values in modern constitutionalism: the basic measurement // Sociology and Law: special edition. 2011. № 2 (8). Pp. 6–10.
3. Bondar N.S. The value of the Russian Constitution as a legal act, and socio-cultural phenomena (the 20th anniversary) // Journal of constitutional justice. 2013. № 6. S. 13–24.
4. Vasilieva S.V. Constitutional and legal status of the political opposition. Moscow, 2010. 234 pp.
5. Dobrynin N.M. Constitutional and legal science and the Russian constitutionalism: to find a way out of systemic crisis // Law and Politics. 2007. № 6. S. 5–10.
7. Eliseev S.G. The formalization of the fundamental legal values of freedom, equality and justice in the constitutional regulation of social rights of citizens of Russia // Lawyer. 2014. № 11. S. 63–68.
8. Samorodova-Bogachkaya L.V. Constitutional and legal policy: the priorities. The optimal model rules of the law-making process. Comparative analysis of rulemaking // Government and local self-government. 2013. № 9. S. 8–11.

Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей*

*Бондарь Николай Семенович,
судья Конституционного Суда Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
bond@ksrf.ru*

Статья подготовлена в порядке научной дискуссии с авторами представленной в данном номере статьи профессорами П.П. Барановым и А.И. Овчинниковым по проблемам конституционных ценностей и современной конституционно-правовой политики России. Представляя свое видение данной проблематики, автор указывает на ряд важных аспектов практической конституционно-судебной аксиологии, выдвигает тезис о сочетании в категории конституционных ценностей социокультурной сущности, политико-правового содержания и метаюридической формы. На этой основе обосновывается аксиологический плюрализм Конституции Российской Федерации, который имеет не политико-идеологические, а правовые (юридические) характеристики: он реализуется на основе сочетания в системе современного конституционного регулирования естественно-правовых и юридико-позитивистских начал. Это необходимо учитывать и при выработке перспектив развития конституционно-правовой политики, имея в виду недопустимость политизации и идеологизации конституционных ценностей как категории действующего права. Отмечается, что современное понимание Конституции позволяет говорить о ней как о саморазвивающейся динамической системе, обладающей внутренним содержательно-ценностным, институциональным потенциалом для адаптации к изменяющимся социально-историческим условиям. При этом именно через конституционный контроль конституционализм превращается в «живой» конституционализм; посредством конституционно-судебной аксиологии как механизма соотношения, взвешивания и согласования конституционных ценностей конституционализм приобретает системно-всеобъемлющий корректирующий, правоохранительный, праввосстановительный и правопреобразовательный характер.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, конституционно-судебная аксиология, конституционные ценности.

Ознакомившись с представленной в редакцию журнала рукописью статьи моих земляков — уважаемых профессоров П.П. Баранова и А.И. Овчинникова еще до выхода ее в свет, посчитал целесообразным предложить в дополнение к ее прочтению некоторые размышления по этой чрезвычайно актуальной проблеме. Речь идет не столько о несогласии с отдельными положениями (хотя и это имеет место), сколько о некоторых сомнениях и желании высказать дополнительные соображения, которые вполне естественны в связи с исследованием столь актуальных и во многом дискуссионных вопросов.

К тому же это связано в конечном счете еще и с профессионально-прагматическими интереса-

ми (а не только исходя из «любви к чистой науке»), с желанием еще раз обратить внимание на некоторые принципиальные аспекты активно формирующейся в настоящее время конституционной аксиологии. В этом плане, пожалуй, есть все основания с удовлетворением отметить, что данное направление научных исследований развивается у нас не с позиций анализа абстрактных конституционных идей, принципов и ценностных начал, а прежде всего как направление *практической конституционно-судебной аксиологии*¹.

Это и понятно, имея в виду, с одной стороны, прикладное значение конституционной аксиологии для судебной власти и, с другой — роль судебной власти

* Данная статья публикуется в порядке научной дискуссии, в качестве ответа на представленную в данном номере статью профессоров Баранова П.П. и Овчинникова А.И. «Конституционные ценности и совершенствование современной конституционно-правовой политики Российской Федерации».

¹ В подтверждение этого обстоятельства достаточно назвать такие работы, как, например: Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Конституционные ценности в теории и судебной практике : сб. докладов. М., 2009 ; его же. Современный мир, право и Конституция. М. : Норма, 2010. С. 80–112 ; Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М. : Юрист, 2014 ; Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004 ; Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2 ; Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3 ; Пресняков М.В. Критерии справедливого баланса конституционных ценностей в деятельности Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 4.

в развитии, обогащении нормативного содержания и доктринального обоснования категории конституционных ценностей. Ведь *судебная деятельность, во-первых*, как никакая другая форма государственно-властной деятельности, основана на необходимости максимального использования ценностных подходов в исследовании и принятии решений, что особенно ярко проявляется в нормоконтрольной, в частности конституционно-судебной, деятельности; *во-вторых*, глубинный смысл судебной деятельности органов конституционного контроля проявляется в конечном счете в определении не просто приоритетов ценностных начал в системе тех или иных конфликтных отношений, конституционных споров, а в поиске баланса между несовпадающими интересами и ценностями; уже это, *в-третьих*, предполагает, что органы конституционного правосудия не только активно используют в своей деятельности ценностные подходы, пользуются инструментарием конституционных ценностей как категорией действующего права, критерием нормоконтрольной деятельности, но при этом неизбежно проникают, вторгаются посредством прежде всего своей интерпретационной деятельности в их социальное и нормативно-правовое содержание, актуализируют его, в том числе, путем приращения нормативного содержания конституционных положений наиболее общего характера, выступающих в виде принципов, основ, норм-дефиниций, норм-презумпций как юридических эквивалентов конституционных ценностей; более того — и это *в-четвертых*, — благодаря данной, особой форме государственно-властной, конституционно-судебной деятельности становится возможным, когда органы конституционного контроля выступают своего рода генератором в чем-то новых, не получивших конкретного юридического оформления в тексте Основного Закона, но вытекающих из самого духа Конституции ценностей.

Все это предполагает необходимость внимательного исследования как социально-политического (социокультурного) содержания, так и особенной юридической природы данной категории, что, в частности, имеет принципиальное значение и для исследования ее места и назначения в осуществлении конституционно-правовой политики современной России. Соответственно, представляется важным обозначить в этом плане хотя бы несколько вопросов.

1. Конституционные ценности — политико-идеологическая или правовая категория?

Этот вопрос актуален еще и потому, что из прочтения соответствующей статьи, как, впрочем, и из некоторых других публикаций, вытекает некое сомнение в том, *насколько действующая Конституция отвечает национальным ценностям*. Не закрепляет ли она, как считают авторы, чуждые нам ценности либеральной идеологии, отражающие «преимущественно западные идеалы, т.е. ценности материального характера, а не духовно-нравственного», имеется ли в Конституции непреодолимый «ценностный дисбаланс»?

Для ответа на эти весьма острые вопросы необходимо прежде всего уяснить природу конституци-

онных ценностей, в том числе с точки зрения наличия в них политико-идеологических, социокультурных начал в соотношении с нормативно-правовыми характеристиками.

Следует начать с того, что само понятие ценности является универсальным и многомерным, охватывает все области и уровни социальной жизнедеятельности, в том числе — находящиеся в сфере конституционно-правового воздействия. Формирование ценностных подходов к тому или иному явлению (объекту) требует генерирования оценки, т.е. субъективно-волевой фиксации объекта в соответствии с избранным масштабом и критериями определенной полезности, объективной и (или) субъективной необходимости, политической и (или) экономической целесообразности и т.п. В сфере конституционного регулирования, имеющего системообразующий для правовой системы характер, это позволяет обнаружить («снять») некий идеализированный слепок (модель) *аксиологических конституционных начал*, которые имеют непосредственное нормативное оформление в конституционном законодательстве. При этом особенность конституционного регулирования в том, что оно способно нормативно выразить социальные ценности во всем многообразии форм их существования, включая общественные идеалы (цели, задачи) основополагающие установки развития общества и государства (принципы, основы), личностные ценности (имея в виду конституционную ценность достоинства личности, ее индивидуальной автономии и самоопределения, их границы и объективные пределы), ценности семьи, материнства, детства, равно как и своего рода предметные, овеществленные ценности (например, ценность земли и иных природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов) и т.п.²

Конституционные ценности выступают в качестве отраженных в Конституции (в той или иной форме, прямо или косвенно) важнейших объективно существующих *социальных ценностей*, которые качественно характеризуют государственно-правовые явления высшего порядка, связанные с осознанием обществом — через призму общедемократического опыта и национально-исторической практики — идей человеческого достоинства, добра и справедливости, фундаментальных целей и норм развития, наиболее целесообразных форм общественного и государственного устройства. В этом плане они объективно не могут не «впитывать» в себя *социокультурные характеристики*; посредством же конституционного закрепления они трансформируются в конституционные идеи-принципы, основы, начала и обретают *формально-юридическую нормативность*. В последующем в результате их восприятия отдельными индивидами, социальными группами, обществом в целом соответствующие юридические величины становятся элементом конституционного правосознания, демократической культуры общества и личности. Приобретая свое конституционное воплощение, соответствующие социальные ценности упорядочиваются, встраиваются в определенную систему многоуровневых связей, основанную на исторически сложившемся в конкретном социаль-

² О формах существования ценностей см. подробнее: Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4.

но-культурном контексте общественно-нормативном порядке, а закрепляемый на конституционном уровне правопорядок характеризует, в свою очередь, действительный масштаб социальных ценностей.

Конституционные ценности находятся, таким образом, в органической связи как с фактически естественно развивающимися отношениями, включая традиционно сложившийся уклад жизни, актуальную общественную (конституционную) практику, так и с нормативной энергией собственно Конституции как Основного Закона государства и общества. В этом плане они выступают социально-правовым генератором этой энергии, обеспечивая перевод фактически (консенсуально) признаваемых обществом в качестве общезначимых и общепользовательных правил жизнедеятельности в нормативное содержание общеобязательных конституционных положений; тем самым получившие признание в качестве конституционных социальные ценности (возведенные на уровень норм Основного Закона) как бы упрочивают легитимность Конституции и одновременно, обретая формально-юридическую нормативность, обязывают всех субъектов права, включая не только граждан, но и политические партии, объединения и государство в целом, действовать в соответствии с требованиями Конституции. Одновременно с момента конституционной формализации определенной системы социально-правовых ценностей фактические конституционные отношения — в их ценностном восприятии — оказываются под воздействием юридической силы норм Основного Закона и уже не могут развиваться иначе как посредством коррелирующего взаимодействия с формально закрепленными правилами и нормами. Гармонизация же фактических (социокультурных) и формально-юридических ценностных начал в нормативном содержании положений действующей Конституции — пожалуй, одна из сложнейших задач Конституционного Суда РФ в рамках возложенных на него функций и полномочий.

Нормативные начала конституционных ценностей, обобщенно говоря, проистекают из их объективной социальной значимости для народа, волей которого они конституируются в качестве первичного и безусловного основания как для правовой системы государства в целом, так и для каждой ее юридической нормы, причем не в статике, а в процессе их включения в ткань социально-политической жизни посредством правоприменения. В свою очередь, социально-политическая значимость конституционных ценностей состоит в том, что выраженные в них социальные начала (цели, интересы, принципы и т.п.) обеспечивают оптимальное — соответствующее принятой обществом и государством конституционной модели — развитие на основе согласования интересов не только внутри государства, но и на международной арене.

Соответственно, конституционные ценности не могут рассматриваться как «навязанные извне» суверенному государству, предопределенные сугубо политико-идеологическими отношениями явления; как таковые, они характеризуют получающие

конституционное опосредование фундаментальные интересы народа, сложившиеся в национальной среде и в ходе взаимодействия с внешней социально-культурной средой. В этом плане конституционные ценности в концентрированном виде характеризуют получивший нормативно-правовое выражение своего рода генетический (социально-культурный) код многонационального народа России. В конституционных ценностях, таким образом, нормативно-правовые и социально-культурные аспекты не противопоставляются, но синтезируются. Более того, конституционные ценности всегда отражают (в большей или меньшей степени) некий сплав национальных и наднациональных (всеобщих) начал, причем универсальное проявляется здесь через его восприятие, признание, оформление на основе суверенной национальной воли.

Одновременно нельзя не учитывать, что конституционные ценности (как и смежные категории, включая принципы, аксиомы и презумпции) выступают не только, а во многих случаях не столько конституционно-правовыми категориями, но также категориями морали, нравственности, цивилизационных, общедемократических требований. Тем самым по своей внутренней природе они как раз и могут быть представлены как категориальная форма выражения, квинтэссенция духа Конституции, а их юридические характеристики определяются в этом плане тем, что это и доктринальные, и социокультурные, и нормативно определенные категории действующего конституционного права.

Что же касается конституционно-текстовой материализации конституционных ценностей, то здесь особое значение имеют Преамбула, а также главы 1 и 2 Конституции. Соответствующие структурные части Конституции — это своего рода нормативно-правовой генератор конституционного духа, с помощью которого становится возможным проникать в глубинное содержание всех других статей Конституции, обнаруживать их сакральные свойства³. Особый, мета-юридический характер соответствующих положений подчеркивается, в частности, и тем обстоятельством, что никакие другие положения Конституции не могут противоречить основам конституционного строя (ч. 2 ст. 16 Конституции), а положения главы 2, как и главы 1, не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием (ч. 1 ст. 135), и, стало быть, их изменение невозможно иначе, кроме как путем принятия новой Конституции. И это не случайно: законодатель подвластен тексту, буква Конституции, но не ее Дух.

Но все это отнюдь не означает, что конституционные ценности и сама Конституция как своего рода юридическое зеркало, призванное отражать социокультурный портрет общества и государства, пребывают в координатах некоего политико-идеологического монизма.

2. Возможен ли ценностно-правовой плюрализм Конституции?

Поскольку конституционные ценности обусловлены внутренней и внешней социальной средой, при их анализе следует учитывать, в том числе, склады-

³ См.: Бондарь Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. 2013. № 11. С. 5–17.

вающиеся закономерности развития современного конституционализма, которые влияют на становление (формирование) конституционных ценностей, их реализацию. Одной из таких фундаментальных закономерностей следует признать все более активную и глубокую *плюрализацию ценностно-социальных систем, утверждение принципов культурно-мировоззренческого, идеологического многообразия*. Это предполагает, в том числе, усиление взаимовлияния и взаимопроникновения различных ценностно-правовых подходов, что, однако, вовсе не сводится к автоматической трансляции представлений, касающихся тех или иных конституционных принципов, институтов из одной конституционно-правовой системы в другую.

Главный методологический вопрос, возникающий сегодня при анализе любой конституционной системы, — это культурно-исторический, национально-специфический аспект при оценке и применении универсальных юридических механизмов реализации общепризнанных конституционных ценностей, поскольку никакая рациональная правовая аргументация не может быть свободной от национальной культуры, нравственности.

В этих условиях объективно происходит, говоря словами российского философа права И.А. Ильина, утрата веры в спасительный методологический монизм и, напротив, возникает необходимость принципиального признания методологического плюрализма⁴, в том числе в связи с анализом и обоснованием проблем конституционной аксиологии. Предполагается, что различные концепции, подходы к праву в рамках плюралистической методологии восприятия конституционных ценностей приобретают значение действенных доктринальных средств в той мере, в какой они могут быть аутентично интегрированы в пространство конституционно-правового регулирования, что требует своего рода «коммуникативно-интегрированного» или — как особенно значимого для конституционного исследования правовых систем — конституционного правопонимания⁵. Это объективно предполагает признание и утверждение философско-мировоззренческого плюрализма: и как доктринального метода исследования, и как важнейшего (конституционно значимого) принципа нормативно-правовой системы организации и функционирования демократической государственности.

Конституция РФ также может быть охарактеризована с позиций философско-мировоззренческого плюрализма. Но это не свидетельствует ни о некоем мировоззренческой эклектике, в рамках которой естественно-правовой тип правопонимания конкурирует с позитивистским⁶, ни о примате одного типа правопонимания перед другим (на что намекают в своей статье профессора П.П. Баранов и А.И. Овчинников). Подобный подход имеет в своей основе противопоставление естественно-правовых и позитивистских начал, исключает возможность их со-

существования (при признании за ними самостоятельной и соотносимой юридической ценности) без ущерба для права как воплощения свободы, равенства и справедливости. Вместе с тем уже опыт античной философии показывает, что противоположные философские начала могут находиться или быть сведены к такому отношению, когда имеющееся между ними напряжение порождает возникновение нового желаемого качества и достижение положительного результата. С этой точки зрения внимательный и непредвзятый анализ Конституции РФ дает основания полагать, что она, различая в своем идейном базисе доктрины естественного права и позитивизма, не противопоставляет их, не приводит к состоянию антагонистического противоречия, а, напротив, стремится к выработке их синтетического, взаимосогласованного понимания в целях обоснованного толкования и эффективного правоприменения.

Восприятие Конституции под этим углом зрения позволяет сделать вывод о том, что Конституция, несомненно испытывая воздействие социальных противоречий современного общества, являясь их определенным отражением, вместе с тем служит инструментальной основой согласованного и сбалансированного выражения основополагающих ценностно-правовых установок; как таковая, она не может рассматриваться в аспекте наличия или отсутствия ценностного дисбаланса: в противном случае она утратила бы способность выполнять назначенные нормативно-правовой основой разрешения конфликтов и противоречий в обществе и государстве на основе поиска баланса несовпадающих ценностей и интересов различных субъектов правовой жизни.

Конституционные ценности, при всей их плюралистичности, объективно системны, не могут противоречить — в их нормативно-правовой статике — друг другу. Так, реализуя идеи естественно-правового правопонимания, Конституция РФ провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2); они признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам международного права, они неотчуждаемы, принадлежат каждому от рождения (ст. 17). В то же время из самой Конституции РФ вытекает недопустимость противопоставления естественно-правовых начал позитивному законодательному регулированию прав и свобод человека и гражданина. Напротив, полномочие по государственно-правовой регламентации прав человека прямо закрепляется за федеральным законодателем (п. «в» ст. 71), а в ст. 18 Конституции РФ говорится о том, что права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, т.е. содержащиеся в правах и свободах естественно-правовые начала должны объективироваться в позитивных (принимаемых государством) законах, получать реализацию в правоприменительной деятельности.

⁴ См.: Ильин И.А. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) // Собр. соч. : в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 9–10.

⁵ В российской правовой науке эти подходы исследованы с разных позиций, например: Крусс В.И. Теория конституционного правопонимания. М. : Норма, 2007 ; Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.

⁶ Такие оценки имеют место, когда, например, утверждается, что в России «конституционная концепция прав человека (и концепция должного закона) **эклетики**» (выделено мной. — Н.Б.) соединяет позитивистские представления о правовой свободе с позитивистскими представлениями о правах как законодательно санкционированных притязаниях» (Четвернин В.А. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 4. С. 32).

Тем самым естественно-правовое и позитивистское начала интегрируются в системе конституционных норм и институтов посредством идеи правового закона как воплощения требований верховенства права, с одной стороны, и правового государства, государства законности — с другой, что является решающей философско-мировоззренческой основой гармонизации индивидуального и коллективного, частного и публичного, личного и государственно-властного в общественно-правовой российской системе, во многом благодаря реализации конституционного правосудия.

Понимание диалектики естественно-правового и позитивистского начал в конституционном регулировании является основой для уяснения того, что одно лишь текстуальное акцентирование в Конституции на тех или иных социальных ценностях не предпринимает ни меньшей по своей значимости, ни, тем более, отрицания иных социальных ценностей. Видеть в Конституции «либеральный проект», не согласующийся с основами национальной государственно-правовой культуры на том основании, что Конституция выдвигает на первое место человека и индивидуальные ценности (как это предлагается в статье, ставшей поводом для данных размышлений), значит не только предельно идеологизировать конституционный текст, ставя под сомнение всеобщность опосредованных им интересов, но и не замечать, в частности, что основы конституционного строя открываются положениями, раскрывающими публично-правовые ценности, характер российской государственности (ст. 1 Конституции).

Разумеется, на реализационном уровне могут возникнуть коллизии и конфликты конституционных ценностей, на что справедливо обращают внимание авторы статьи. Это, однако, не является подтверждением наличия «ценностного дисбаланса» в самой Конституции, имея в виду, что преодоление соответствующей реализационной коллизии как раз обеспечивается через выявление адекватного конституционно-правовой системе содержательного, а также иерархического соотношения данных конституционных ценностей, когда каждая ценность оказывается сохранена. Если же исходить из наличия ценностного дисбаланса в Конституции, из примата одних ценностей в соотношении с другими, то следовало бы признать, что одни конституционные ценности (и соответствующие нормы, институты) могут получать реализацию в ущерб другим, блокировать действие других конституционных норм, институтов. Но это подрывает сами основы понимания Конституции как обладающего высшей юридической силой акта прямого действия.

Поэтому при решении вопроса о том, как должны преодолеваются ценностные коллизии, вряд ли можно вести речь о том, что определенные ценности (пусть даже «абсолютные») должны «заслонять собой остальные». Напротив, идея баланса конституционных ценностей относится к основным характеристикам современного конституционализма и конституционного правосудия. При этом во многом именно посредством конституционно-судебной аксиологии как механизма соотношения, взвешивания и согласования конституционных ценностей конституционализм приобретает системно-всеобъемлющий, корректирующий и правосстановительный характер, становится возможным на его основе сформировать правопорядок, основополагающими принципами и высшими ценностями которого являлись бы конституционные ценности ориентиры в их нормативно-правовом и реальном (конституционно-практическом) воплощении. Ярким примером является в этом плане последовательная защита Конституционным Судом РФ имманентно присущих Конституции России ценностей традиционной семьи, материнства, детства, т.е. таких ценностных детерминант, следование которым имеет глубокие национальные, социокультурные основы и что — не секрет — не во всем совпадает с так называемыми западными стандартами «равенства» однополых браков, сексуальной «свободы» и т.п.⁷

Ключевая идея конституционно-судебной аксиологии, служащая одновременно и методологическим принципом ее реализации, состоит в том, что возникающие в ходе реализации конституционных ценностей коллизии не могут преодолеваются путем предоставления защиты одним правам в нарушение других, равноценных по своему конституционному значению⁸, и поскольку недопустимо противопоставление одних прав и законных интересов другим, должны использоваться нормативно-правовые механизмы, обеспечивающие их взаимосогласованную реализацию⁹. В этом плане представление о том, что Конституция утверждает примат интересов личности над интересами государства, вряд ли имеет под собой прочные основания. Конституционный Суд неоднократно указывал, что взаимоотношения личности и государства в разных сферах строятся на принципе баланса частных и публичных интересов (например, постановления от 21 октября 2014 г. № 25-П, от 6 ноября 2014 г. № 27-П, от 17 февраля 2015 г. № 2-П, от 16 февраля 2015 г. № 3-П, от 2 июня 2015 г. № 12-П и др.).

Философско-мировоззренческим плюрализмом, характерным для современного конституционализма, определяется достаточно высокий удельный вес по-

⁷ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2014 г. № 1-П по делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 735; Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова // СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. 3). Ст. 5489; Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П по делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гузиной // СЗ РФ. 2015. № 26. Ст. 3944.

⁸ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 15-П по делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пункта 3 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Дубкова // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3647.

литических начал в конституционном правосудии и конституционно-судебной аксиологии. Здесь важно то, что сама политика — неизбежная связь между конституционными ценностями и текстом Конституции, а в конечном счете между буквой и духом Конституции. И это не случайно, если иметь в виду, что, во-первых, конституционные ценности являются политико-правовыми ценностями; а во-вторых, высокий удельный вес политических начал характерен для механизмов реализации конституционных ценностей, их вторжения в ткань государственной, социально-культурной и других сфер жизни общества.

Поэтому существуют объективные предпосылки и условия, позволяющие говорить о *закономерных, глубинных началах тесных связей между конституционным правосудием и политикой*. Они определяются в своей основе как особенностями общественных отношений, составляющих сферу конституционного правосудия, так и природой органов конституционной юстиции. В этом плане — с известной долей осторожности — можно утверждать об *имманентно присущих конституционному правосудию политико-правовых характеристиках*¹⁰.

Реализуя возложенные на него полномочия, Конституционный Суд РФ а) дает государственно-правовую оценку и обеспечивает юридическое закрепление происходящих политических изменений, имеющих по своей сути конституционно-правовое значение; б) обеспечивает баланс коллизионных ценностей и политических интересов; в) определяет конституционные основания и пределы усмотрения законодателя при принятии тех или иных решений, совершенствовании законодательства на основе актов Конституционного Суда РФ; г) оказывает непосредственное влияние на проводимую государством политику в различных областях, формирование и реализацию конституционной политики государства, поскольку это касается защиты конституционных ценностей, принципов, норм Конституции в соответствии с высшими, в том числе политическими, интересами общества и государства, человека и гражданина.

Вместе с тем политические начала конституционного правосудия не следует отождествлять с его «политизацией»: в основе соотношения конституционного правосудия и политики должны лежать *не подчинение конституционного правосудия политике и политизация конституционно-правовой сферы, а конституционализация политики*, в том числе, с помощью конституционного правосудия, ее подчинение Конституции. Конституционный Суд решает исключительно вопросы права и для утверждения права. Принимаемое Судом решение должно основываться исключительно на требованиях Конституции РФ, юридической (а не абстрактно-социальной) справедливости и конституционной (но не политической) целесообразности. Если же политические интересы соответствуют требованиям Конституции, вытекают из ее принципов и ценностных начал, Конституционный Суд РФ посредством своих ре-

шений объективно становится как бы проводником этого «политического», а фактически — конституционно-правового вектора развития.

3. «Ползучая» конституционная реформа или судебно-интерпретационное развитие, преобразование Конституции?

С рассматриваемой проблемой конституционных ценностей напрямую связан, как справедливо считают авторы, и вопрос о современной конституционно-правовой политике. Он (данный вопрос) актуализирован в статье предельно остро: *нуждается ли Россия в «конституционной реформе»*, а фактически — в разработке и принятии новой Конституции? Не наблюдается ли у нас, как, вероятно, считают авторы соответствующей статьи, некая «ползучая» конституционная реформа? И далеко не последний вопрос: какова в связи с этим роль Конституционного Суда РФ?

При ответе на поставленные вопросы важно учитывать, что, пожалуй, квинтэссенцией ценностных подходов к анализу национальной конституционно-правовой системы могут служить слова Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина: «Конституция — самое большое достижение всего постсоветского развития, основа стабильности и динамизма России»¹¹. Аксиологическое восприятие Конституции предполагает преодоление догматического, формально-юридического подхода к данному документу; необходимо понимание Конституции, в том числе, как саморазвивающейся динамической системы, не сводимой к формально-текстовым проявлениям, но обладающей внутренним содержательно-ценностным, институциональным потенциалом для ее адаптации к изменяющимся социально-историческим условиям.

При всем многообразии мнений на предмет внесения большего или меньшего количества изменений в текст Конституции РФ (вплоть до принятия нового Основного Закона) такие подходы, как правило, объединяет одно: отрицание или, в лучшем случае, молчаливое игнорирование возможности влияния Конституционного Суда на Конституцию, на ее модернизационное развитие. Между тем возможность такого влияния — одна из фундаментальных особенностей кельзеновской (континентальной) модели конституционного правосудия, что способно существенным образом оказывать воздействие на развитие, преобразовательные процессы всей конституционной системы соответствующих стран, включая Россию.

Реализованная в России модель сильной конституционной юстиции является залогом активного влияния Конституционного Суда РФ не только на систему действующего законодательства (имея в виду нормоконтрольные полномочия по обеспечению соответствия нормативных правовых актов Конституции), но и на саму Конституцию, на развитие всей системы российского конституционализма.

Уже поэтому модернизация Конституции не может сводиться только к внесению в нее текстовых изменений¹². Когда речь идет о модернизации Консти-

¹⁰ См.: Бондарь Н.С. Конституционное правосудие и политика: попытка конституционного анализа без политизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 1–20.

¹¹ См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008. С. 30.

¹² Подробнее см.: Бондарь Н.С. Социоисторический динамизм Конституции — без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2 (38). С. 22–34.

туции, то предполагается ее постепенное преобразование под влиянием «требований современности», общественного развития. Фактическая конституция как выражение соотношения социальных сил с точки зрения реальных (а не формально-юридических) характеристик власти, собственности, свободы в обществе подвержена изменениям даже при неизменном тексте юридической конституции. Конституционный Суд же при разрешении дел о конституционности закона или при толковании Конституции (официальном либо казуальном) выявляет такие изменения (далеко не всегда лежащие на поверхности социально-политической действительности) и фиксирует преобразованную реальными процессами общественного развития социально-политическую обязательность, своего рода социальную (фактическую) нормативность, влияющую, в свою очередь, на формирование правовой нормативности, которая естественным образом влияет на содержание (толкование) соответствующих положений Конституции.

Тенденция к перераспределению основных функций конституционного правосудия — от чисто охранительной деятельности к активному использованию преобразовательного потенциала конституционно-судебной деятельности — является своего рода рефлексивной реакцией конституционного правосудия на сложные процессы, на динамизм современной эпохи. Не случайно преобразующая роль конституционного правосудия получает все более широкое, в том числе международное, признание. Это и понятно: «Конституция, — указывается в Генеральном докладе XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.), — без органа конституционного контроля, обладающего полномочиями констатировать противоречие обычных правовых актов конституции, есть *lex imperfecta*. Конституция становится *lex perfecta* только тогда, когда конституционный суд может признавать обычные законы противоречащими конституции... Через конституционный контроль конституция, как правовой акт, превращается в «живое» право»¹³. Добавим — только через конституционный контроль конституционализм превращается в «живой» конституционализм.

Конституционно-судебный нормоконтроль является в этом плане одной из форм государственно-властного (конституционного) воздействия на те находящиеся в сфере конституционного воздействия общественные отношения, которые прямо соотносятся с наиболее важными вопросами организации социально-политической, экономической, социально-культурной, духовно-нравственной жизни общества. В связи с этим в рамках осуществляемой им деятельности для Конституционного Суда РФ становятся доступными сакральные, метаюридические пласты духа Конституции, содержащие высокий уровень концентрации политических, нравственно-этических, социокультурных истоков динамизма Основного Закона, что достигается в силу особой юридической природы органа конституционно-судебного нормоконтроля и его решений.

Речь идет о том, что, во-первых, будучи, безусловно, органом судебной власти, в то же время природа его деятельности не исчерпывается правоприменением; в своих итогово-правовых характеристиках все более сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством. Во-вторых, специфика «квазиправотворческой», динамически-интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ такова, что его решения, обладая нормативно-доктринальной природой, имеют предметом своего влияния и одновременно формой политико-правового бытия прежде всего нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня — общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений и т.п.

Особая преобразующая функция Конституционного Суда, его возможности, связанные с активным погружением в реальное ценностное содержание конституционно-правовых норм и институтов, определяются также характерным для природы конституционного правосудия сочетанием государственно-властных и научно-доктринальных начал. Конституционное правосудие не только не находится в отрыве или, тем более, противопоставлении к научной юриспруденции, а, напротив, есть все основания утверждать, что Конституционный Суд может рассматриваться как весьма специфическая (опять же, организованная на государственно-властных началах) научно-исследовательская лаборатория, тесно сотрудничающая с научным сообществом через доктринальные идеи по актуальным проблемам современной конституционной юриспруденции. Достаточно отметить, что абсолютное большинство судей действующего состава Конституционного Суда (более 2/3) имеют докторскую степень по юридическим наукам. Характеристики, сопоставимые с научно-исследовательской организацией, присущи и аппарату Конституционного Суда, в особенности его профильным (отраслевым) подразделениям.

Конституционное правосудие находится в прямой и обратной связи с конституционной юриспруденцией. Так, юридическая наука, включая науку конституционного права, как и государственно-правовая практика, являются питательной средой для Конституционного Суда, а осуществление конституционного правосудия, как деятельности, содержащей высокий удельный вес доктринальных начал, невозможно без активного использования достигнутых конституционно-правовой мысли. Одновременно Конституционный Суд — не только потребитель, но и генератор научных идей, он самым непосредственным образом участвует в их формировании, выступает действенным фактором развития российской конституционно-правовой науки, а практика конституционного правосудия представляет собой онтологический компонент конституционной юриспруденции. Поэтому вряд ли есть основания заниматься «перетягиванием каната», выясняя вопрос о том, чье влияние на развитие конституционализма

¹³ См.: Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2–3. С. 110–111.

и конституционных ценностей важнее — Конституционный Суд или конституционной наукой: они работают в одной упряжке.

На основе реализации правоприменительных и нормообразующих, государственно-властных и теоретико-доктринальных начал в деятельности Конституционного Суда обеспечиваются приращение и актуализация ценностно-нормативного содержания отправных для правовой системы величин, обеспечивается развитие сакрального духа Конституции, который не подвластен законодателю, воплощается прежде всего в конституционных ценностях, принципах, основах, и, как результат, происходит преобразование всей системы национального конституционализма.

Что же касается условий (предпосылок) социо-исторической модернизации Конституции с помощью средств конституционного нормоконтроля, то в обобщенном плане это предполагает: а) учет органом конституционного правосудия социокультурных факторов национального развития; б) историческое толкование конституционных норм, учет конкретно-исторических условий современного развития национальной государственности; в) систематическое толкование, основанное на восприятии Конституции как единого, целостного документа, не имеющего пробельности и внутренней противоречивости; г) учет как универсальных ценностей современного конституционализма, так и всей системы общепризнанных принципов и норм международного права, что напрямую вытекает из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ; д) телеологическое толкование, анализ целей, на достижение которых были сориентированы Конституция и отдельные ее положения отцами-создателями этого акта.

Таким образом, посредством конституционного правосудия сам по себе российский конституционализм и его центральный нормативно-правовой элемент в виде Конституции актуализируются с учетом изменяющихся конкретно-исторических условий своего развития, благодаря чему сущее (система реальных отношений) и должное (юридическая конституция) сближаются, превращаясь в «живой» конституционализм. На этой основе становится возможным формирование нового, во многом уникального политико-правового явления конституционной государственности — судебного конституционализма¹⁴. Исходные начала концепции судебного конституционализма проистекают из сущностных характеристик Конституции, с одной стороны, и конституционного назначения судебной власти (в особенности конституционного правосудия) — с другой.

Что же касается роли собственно конституционного правосудия в социоисторическом развитии Конституции и формировании «живого» конституционализма, то в данном случае одинаково важно учитывать по крайней мере несколько моментов.

Во-первых, решения Конституционного Суда, обладая специфической природой (особые виды су-

дебных актов нормоустановительного характера), являются нормативной правовой основой формирования судебного конституционализма и соответственно всей системы российского конституционализма в целом. В этом проявляются их природа и назначение как нормативно-правового компонента «живого» (судебного) конституционализма.

Во-вторых, конституционное правосудие и его решения — один из важных источников развития современной конституционной доктрины модернизации российской государственности (доктринальный компонент «живого» конституционализма), что вытекает из нормативно-доктринальных характеристик решений Конституционного Суда).

В-третьих, Конституционный Суд РФ — своего рода генератор конституционного мировоззрения, активный участник формирования новой конституционной культуры и в конечном счете конституционной идеологии современного российского общества и государства, что чрезвычайно важно, в том числе, в связи с настоятельными предложениями пересмотреть текст ст. 13 Конституции РФ¹⁵ (идеологический компонент «живого» конституционализма).

В-четвертых, «живой» конституционализм есть материализация конституционно-судебной практики, реального воплощения в жизнь требований верховенства Конституции, ее прямого действия, материализация конституционных ценностей в обществе и государстве (материальный компонент «живого» конституционализма).

Тем самым охрана Конституции, ее стабильность поддерживаются в органическом сочетании с динамизмом конституционной системы, что является подтверждением активной социокультурной роли конституционного правосудия как генератора «живого» (судебного) конституционализма.

В этом плане практика конституционного правосудия объективирует и формально-юридическую природу, и социальную сущность Конституции как правового акта высшей юридической силы и прямого действия, выступающего порождением, отражением и универсальным средством разрешения социальных противоречий. На этой основе как раз и становится возможным рассматривать Конституционный Суд в качестве важного инструмента социоисторического развития Конституции, института формирования в России «живого» конституционализма. С этих позиций «живой» (судебный) конституционализм может быть представлен как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного судебного-правового гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства их политико-идеологических и формально-юридических начал, социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства.

¹⁴ См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2015.

¹⁵ См., например: Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России — одно и то же // Судья. 2013. № 12. С. 30–32; Из Конституции могут убрать 13-ю статью: о запрете государственной идеологии. URL: slon.ru/fast/russia

Защита прав кредиторов несостоятельного должника в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

*Слоневская Анна Юрьевна,
судья Арбитражного суда Калининградской области,
кандидат юридических наук*

В статье дается обзор правовых актов Конституционного Суда Российской Федерации, касающихся защиты прав кредиторов несостоятельного должника. Раскрываются проблемы, связанные с ущемлением прав кредиторов в ситуации недостаточности имущества должника для погашения всех требований кредиторов. Затронуты вопросы, связанные с защитой прав кредиторов на стадии возбуждения в суде дела о банкротстве. Делается вывод о необходимости обеспечения равенства прав всех кредиторов в процессе банкротства должника в целях наиболее полного удовлетворения их имущественных требований.

Ключевые слова: банкротство, кредитор, несостоятельный должник, конкурсное право.

Конституция Российской Федерации прямо не регулирует отношения, связанные с банкротством организаций и граждан. Вместе с тем в Конституции Российской Федерации содержатся нормы, устанавливающие общие принципы осуществления хозяйственной деятельности в условиях рыночной экономики. Негативным последствием неэффективной коммерческой деятельности является банкротство организации или предпринимателя.

В правоприменительной практике возникают различные вопросы, связанные с применением нормативных актов о банкротстве, которые не отличаются достаточной стабильностью. Многие авторы в своих научных работах рассматривали вопросы, касающиеся правового статуса кредиторов как участников процедур банкротства, в том числе останавливаясь на проблемах защиты прав кредиторов¹. Все эти обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства, касающегося защиты прав кредиторов в процессе банкротства, которое невозможно без учета правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, который толкует нормы права, регламентирующие процедуру банкротства, в соответствии с их конституционным смыслом.

Нередко Конституционный Суд РФ в своих решениях обращается к проблемам, связанным с защитой прав отдельных участников банкротного процесса, в том числе кредитора. Конституционный Суд РФ в своих актах конституционного правосудия, толкуя отдельные правовые нормы о банкротстве применительно к конкретной ситуации, формирует общие, единые принципы применения другими судами законодательства о банкротстве в соответствии с тем смыслом, который устанавливает Конституция Российской Федерации.

В одном из своих первых постановлений от 16 мая 2000 г. № 8-П, касающегося анализа норм законодательства о банкротстве, Конституционный Суд РФ отметил, что «права требования и законные интересы кредиторов в рамках конкурсного производства в процедуре банкротства подлежат защите в соответствии со статьей 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда; принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения». Из этого следует, что в случае какого-либо безвозмездного изъятия или отчуждения имущества должника ему подлежат возмещению связанные с этим потери объема конкурсной массы, за счет которой удовлетворяются требования кредиторов. Иными словами, Конституционный Суд РФ признал неконституционным безвозмездное лишение должника его имущества. На первый взгляд может показаться, что в Постановлении от 16 мая 2000 г. № 8-П речь идет о защите прав должника, которого произвольно ограничили в праве собственности на имущество социального назначения, безвозмездно изъяв его для муниципальных нужд. Однако произвольное ограничение права собственности должника, несомненно, уменьшает и конституционное право частной собственности конкурсного кредитора, поскольку именно кредитор получает удовлетворение своих требований к должнику за счет имущества этого должника. Лишение должника имеющегося у него имущества означает уменьшение конкурсной массы и как следствие — ущемление прав кредиторов, не получивших наиболее полное удовлетворения своих требований.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 мая 2000 г. № 8-П признал, что должнику в слу-

¹ Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М., 2006 ; Петрова А.В. Правовая охрана законных интересов кредиторов в процедурах банкротства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2010 ; Химичев В.А. Защита прав кредиторов при банкротстве. М., 2005 и др.

чае уменьшения его конкурсной массы в результате передачи муниципальному образованию части имущества гарантирована справедливая компенсация такого уменьшения, обеспечивающая баланс между публичными и частными интересами. При этом в данном случае частными интересами признаны, в том числе, интересы должника и кредитора в рамках конкурсного производства.

Как отмечено в Постановлении от 16 мая 2000 г. № 8-П, все споры, связанные с определением разумного размера компенсации должнику за изъятое у него имущество, подлежат рассмотрению судами. Практика свидетельствует о том, что такие споры рассматриваются арбитражными судами.

Другим примером защиты прав кредиторов при банкротстве должника может служить Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П. Необходимо отметить, что в данном постановлении разрешены вопросы, связанные с отказом конкурсного управляющего должника от исполнения долгосрочных сделок, которые заключил должник. Поэтому в Постановлении от 6 июня 2000 г. № 9-П рассматриваются правоотношения должника и его контрагентов, вытекающие из заключенных сделок. Но следует признать, что зачастую эти контрагенты становятся кредиторами в конкурсном процессе, тем более если речь идет об отказе должника от исполнения сделки.

Конституционный Суд РФ со ссылкой на ограничение свободы договора как одного из общих начал гражданского законодательства признал неконституционным односторонний отказ арбитражного управляющего от исполнения сделок должника лишь на том основании, что они заключены на срок свыше одного года, независимо от того, имеются ли связанные с исполнением этих договоров обстоятельства, которые реально препятствуют восстановлению платежеспособности должника.

Сам факт заключения долгосрочного договора (на срок более одного года) согласно абзацу третьему п. 2 ст. 77 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» являлся единственным необходимым условием для расторжения его арбитражным управляющим по своему усмотрению. Такой произвольный критерий для одностороннего отказа от исполнения договора признан Конституционным Судом РФ «не отвечающим принципам соразмерности и справедливости, которые должны соблюдаться при ограничении свободы договоров». В рассматриваемом постановлении Конституционный Суд РФ встал на защиту контрагентов по долгосрочным договорам должника, обратив внимание на то, что в случае одностороннего отказа должника от исполнения долгосрочного договора контрагенты оказываются «в неравном положении по сравнению с другой стороной, а также по сравнению с другой категорией контрагентов». Такое «неравенство» участников гражданского оборота стало возможным именно в связи с тем, что отказ арбитражно-

го управляющего от исполнения любой долгосрочной сделки должника не был обусловлен в законе никакими условиями и обстоятельствами.

Действующий п. 2 ст. 102 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве 2002 г.), устанавливающий условия для отказа арбитражного управляющего от исполнения сделок, не предусматривает возможность отказа от сделки лишь в силу того, что она заключена на длительный срок. Вместе с тем законодательство о банкротстве допускает и довольно подробно в главе III.1 Закона о банкротстве 2002 г. регламентирует основания и порядок признания недействительными сделок должника, заключенных на невыгодных для него условиях в процедуре банкротства или в преддверии ее.

Представляется, что подходы Конституционного Суда РФ к разрешению проблем защиты прав контрагентов должника при его одностороннем отказе от исполнения сделки, которые отражены в Постановлении от 6 июня 2000 г. № 9-П, вполне применимы в практике судов и в настоящее время. Так, законодатель в ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве 2002 г. не просто предусмотрел абстрактную возможность признания недействительными любых сделок должника, но и установил совокупность конкретных оснований и условий для оспаривания подозрительных сделок должника и сделок, совершенных им с оказанием предпочтения одному из кредиторов или иному лицу. В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации² обращается внимание на то, что для признания сделки недействительной по специальному основанию, предусмотренному Законом о банкротстве, «необходимо, чтобы оспаривающее сделку лицо доказало наличие совокупности всех следующих обстоятельств...». Авторы правильно отмечают необходимость наличия сложного юридического состава для наступления юридических последствий в виде признания сделки должника недействительной по специальным основаниям³.

Предусмотренная в Законе о банкротстве 2002 г. совокупность обстоятельств, служащих основанием для оспаривания сделок должника, способствует сохранению стабильности гражданского оборота, поскольку установление четких критериев для возможного признания сделки должника недействительной отвечает «принципам соразмерности и справедливости, которые должны соблюдаться при ограничении свободы договоров».

Данный институт оспаривания сделок должника также направлен на защиту прав кредиторов, которые получают удовлетворение своих требований за счет имеющегося и выявленного в ходе банкротства имущества должника. По мнению многих авторов, признание сделок недействительными, предусмотренное Законом о банкротстве 2002 г., имеет «целью защиту прав кредитора через вовлечение в имущественную массу должника неправомерно отчужденного имущества»⁴.

² Пункт 35 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант-Плюс».

³ См., например: Карелина С.А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 22–25.

⁴ Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2014. С. 217.

Несмотря на сформировавшуюся позицию Конституционного Суда РФ по вопросу о порядке введения процедуры наблюдения, в литературе продолжают дискуссии о возможных злоупотреблениях должника и необходимости выработки мер по защите кредиторов на этапе возбуждения производства по делу о банкротстве.

В Постановлении от 12 марта 2001 г. № 4-П Конституционный Суд РФ признал, что введение процедуры наблюдения автоматически при подаче заявления кредитора, отвечающего формальным требованиям, и без проведения судебного заседания «не предоставляет должнику надлежащих процессуальных гарантий того, что определение арбитражного суда о принятии заявления о признании должника банкротом и, следовательно, введение наблюдения будет обоснованным и правомерным».

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, высказанной в Постановлении от 12 марта 2001 г. № 4-П, Закон о банкротстве 2002 г. предусматривает, что вопрос о введении процедуры наблюдения решается судом в судебном заседании с извещением лиц, участвующих в деле, после получения от них, и прежде всего должника, разъяснений и возражений на заявление о признании должника банкротом. По мнению авторов, «такой порядок не соответствует сущности конкурсных отношений» и должник «имеет возможность распорядиться активами в ущерб кредиторам»⁵. Высказывается мнение о том, что с целью защиты прав кредиторов наблюдение должно вводиться с момента принятия заявления о банкротстве, и уже в рамках введенного наблюдения в дальнейшем будет проводиться специальное заседание. В.Ф. Попондопуло предлагает «отказаться от института наблюдения» и «повысить роль процедур конкурсного производства и мирового соглашения как единственных процедур банкротства, обеспечивающих интересы кредиторов»⁶. Авторы, критикующие существующий порядок введения наблюдения, довольно подробно останавливаются на отрицательных моментах введения процедуры по итогам судебного заседания, которые сводятся к возможному «неправомерному распоряжению имуществом должника». Иное мнение у Б.С. Бруско, который критикует «ныне действующий упрощенный порядок отзыва банковской лицензии», влекущий ликвидацию банка, и отсутствие иных процедур (наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления) при банкротстве банков⁷.

В судебной практике вполне допустимы ситуации, когда подано заявление о рассрочке (отсрочке) исполнения судебного акта, на котором основывает свои требования кредитор-заявитель. Возможны оспаривание этого судебного акта, приостановление исполнения решения суда, на котором основывает свои требования кредитор, и т.п. Именно эти, поми-

мо прочих, обстоятельства подлежат установлению и проверке судом при разрешении вопроса о введении процедуры наблюдения в судебном заседании после получения пояснений лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Можно согласиться с авторами, которые полагают, что «невозможно достижение баланса интересов участников конкурсных отношений: добросовестный должник не защищен от действий недобросовестных кредиторов, а добросовестные кредиторы не защищены от действий недобросовестного должника»⁸. Но надо отметить, что на защиту добросовестных кредиторов от действий недобросовестного должника работает предусмотренный Законом о банкротстве 2002 г. институт субсидиарной ответственности руководителя по обязательствам должника, а также институт оспаривания сделок должника. У кредитора-заявителя имеется возможность представить соответствующие доказательства, свидетельствующие о намерении недобросовестного должника распорядиться имуществом, и ходатайствовать перед судом о принятии обеспечительных мер, в том числе ареста имущества. При введении же процедуры наблюдения с момента принятия заявления о банкротстве у должника в арсенале практически нет никаких способов защиты. Возможность последующего предъявления иска к недобросовестному кредитору-заявителю о возмещении причиненных убытков повлечет за собой дополнительные временные и материальные затраты для добросовестного должника и не отвечает принципу процессуальной экономии. В случае введения процедуры банкротства не по итогам судебного заседания, а на стадии принятия заявления о банкротстве и возбуждения дела в суде справедливыми представляются опасения авторов о возможном наличии в действиях заявителей элементов злоупотребления правом и отсутствии у заявителя действительного желания получить удовлетворение своих требований от должника⁹.

Недобросовестные должники вряд ли будут ждать подачу заявления о признании их банкротами для того, чтобы реализовать свое имущество в ущерб кредиторам. Скорее всего, разбазаривание имущества недобросовестными должниками осуществляется заблаговременно, например на стадии искового производства о взыскании задолженности. Поэтому некоторые авторы предлагают «как можно быстрее разрешить конфликты, возникающие между неплатежеспособным должником и его кредиторами»¹⁰.

Предложения авторов, направленные на упрощение порядка возбуждения дел о банкротстве, об исключении нормы о предварительной установленности требований заявления¹¹, наоборот, с учетом сроков рассмотрения искового заявления могут привести к затягиванию со стороны должника принятия

⁵ Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 258.

⁶ Попондопуло В.Ф. Процедуры банкротства и обеспечение интересов кредиторов // Предпринимательское право. 2006. № 2. С. 12, 15.

⁷ Бруско Б.С. Несостоятельность (банкротство) банков и Конституция России // Предпринимательское право. 2012. № 3. С. 13.

⁸ Телюкина М.В. Указ. соч. С. 260.

⁹ Карелина С.А. Особенности реализации принципа равенства прав в процессе несостоятельности (банкротства) должника // Законодательство. 2008. № 6. С41.

¹⁰ Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование. С. 14.

¹¹ Там же. С. 135.

судом решения о банкротстве и будут способствовать необоснованно резкому росту дел о банкротстве и разбазариванию имущества должника уже на стадии рассмотрения такого иска с требованием о банкротстве. Надо признать, что большая доля дел о взыскании задолженности не влечет за собой банкротство должника и зачастую кредитор получает удовлетворение требований в рамках исполнительного производства. Не всегда это означает, что на рынке остаются и продолжают функционировать неэффективные производства.

Несмотря на дискуссии по вопросу о порядке возбуждения дела о банкротстве, очевидно, что правовая позиция Конституционного Суда РФ, высказанная в Постановлении от 12 марта 2001 г. № 4-П о необходимости предоставления должнику «возможности своевременно заявить свои возражения при принятии судом заявления о признании должника банкротом», должна оставаться приоритетной, главенствующей.

Некоторые вопросы защиты прав граждан-вкладчиков, как особой категории кредиторов при банкротстве кредитных организаций, разрешены Конституционным Судом РФ в Постановлении от 13 июля 2001 г. № 10-П. Как видно из этого постановления, Конституционный Суд РФ признал, что кредиторы-вкладчики являются, «как правило, экономически слабой стороной в договоре банковского вклада», и «защита прав и законных интересов граждан-вкладчиков в сфере кредитных отношений требует дополнительных гарантий». Следуя данной правовой позиции, Конституционный Суд РФ признал неконституционными введение моратория на удовлетворение требований граждан-вкладчиков к кредитной организации, находящейся в процессе реструктуризации, только на основании прямого предписания закона, без указания управомоченного субъекта, решение которого о введении (продлении) и сроках действия моратория могло бы быть обжаловано в судебном порядке.

Нельзя не остановиться на одном из последних постановлений Конституционного Суда РФ, касающемся защиты прав кредиторов должника, находящегося в процедуре банкротства. В Постановлении от 18 мая 2015 г. № 10-П Конституционный Суд РФ, в целом поддерживая ранее высказанную позицию о конституционности административного порядка исключения фактически недействующих организаций из Единого государственного реестра юридических лиц, указал на право кредиторов выражать свою волю на проведение в отношении организаций-банкротов предусмотренных Законом о банкротстве процедур и удовлетворение своих требований к должнику именно в рамках дела о банкротстве, которое проводится под контролем суда.

Конституционный Суд РФ и ранее признавал, что «возбуждение дела о банкротстве должника является специальным способом защиты нарушенных прав и интересов кредитора» (Определение от 1 декабря 1999 г. № 213-О/199). Кредитор вправе реализовать свое право на судебную защиту путем подачи заявления в суд о банкротстве должника либо путем заявления своих требований как конкурсный кредитор в рамках уже возбужденного дела о

порядке, предусмотренном Законом о банкротстве. Очевидно, что при осуществлении в отношении организации-должника предусмотренных Законом о банкротстве мероприятий конкурсного производства права кредиторов будут защищены в большей степени, чем при административном исключении организации из Единого государственного реестра юридических лиц. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ «процедуры банкротства носят публично-правовой характер; в силу различных, зачастую диаметрально противоположных, интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства» (постановления Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 г. № 14-П, от 19 декабря 2005 г. № 12-П). При административном исключении юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц, в отличие от процедур банкротства, осуществляемых под контролем суда, нет арбитражного управляющего, который наделен полномочиями публично-правового характера и призван гарантировать баланс прав и законных интересов лиц, участвующих в конкурсном процессе. Именно процедуры банкротства, осуществляемые под контролем суда, призваны обеспечивать условия для «справедливого обеспечения экономических и юридических интересов всех кредиторов, включая лиц, нуждающихся в дополнительных гарантиях социальной защиты».

Предоставление равных для всех кредиторов правовых возможностей в условиях процедуры банкротства должника явилось одним из выводов Конституционного Суда РФ в Постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П. Поводом для рассмотрения жалобы в Конституционном Суде РФ послужила неопределенность в толковании ст. 115 УПК РФ, которая предусматривала возможность наложения ареста на имущество в целях обеспечения приговора в части гражданского иска, и ст. 126 Закона о банкротстве 2002 г., которая, в свою очередь, устанавливала снятие ранее наложенных арестов на имущество должника. Конституционный Суд РФ разрешил правовую коллизию, признав недопустимым в нарушение специального порядка удовлетворения в ходе конкурсного производства имущественных требований кредиторов, установленного Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», «создание особых условий для защиты лиц, которые, будучи конкурсными кредиторами в деле о банкротстве лица, на имущество которого в рамках уголовного расследования по уголовному делу наложен арест, признаются гражданскими истцами по данному уголовному делу».

Анализируя судебные акты Конституционного Суда РФ, в которых затронуты проблемы защиты прав кредиторов должников-банкротов, нельзя не заметить, что в условиях нехватки имущества должника для погашения всех требований кредиторов, по сути, на период рассмотрения судом дела о банкротстве должника вводится особый правовой режим имущественных требований кредиторов, при котором в какой-то степени ограничиваются права участников банкротного процесса, и прежде всего

самых кредиторов. К.Б. Кораев отмечает, что правовой статус конкурсных кредиторов «определяется возможностью получения наиболее полного удовлетворения своих требований»¹². По утверждению С.А. Карелиной, «при несостоятельности (банкротстве) изменяется режим осуществления гражданских прав: они реализуются с определенными ограничениями, что предопределено спецификой конкурсных отношений»¹³. В таких условиях, если следовать позиции Конституционного Суда РФ, высказанной в ряде постановлений, «предоставление кредиторам равных правовых возможностей при реализации экономических интересов» и «создание условий для справедливого обеспечения экономических и юридических интересов всех кредиторов» является наиболее целесообразным.

Библиографический список

1. Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М., 2006.
2. Бруско Б.С. Несостоятельность (банкротство) банков и Конституция России // Предпринимательское право. 2012. № 3. С. 12–15.
3. Карелина С.А. Особенности реализации принципа равенства прав в процессе несостоятельности (банкротства) должника // Законодательство. 2008. № 6. С. 36–42.
4. Карелина С.А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 22–26.
5. Кораев К.Б. Правовой статус конкурсных кредиторов при проведении конкурсного производства // Юрист. 2009. № 4. С. 57–66.
6. Петрова А.В. Правовая охрана законных интересов кредиторов в процедурах банкротства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2010.
7. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2014.
8. Попондопуло В.Ф. Процедуры банкротства и обеспечение интересов кредиторов // Предпринимательское право. 2006. № 2. С. 11–17.
9. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М. : Волтерс Клувер, 2004.
10. Химичев В.А. Защита прав кредиторов при банкротстве. М., 2005.

Правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О не-

состоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited». URL: www.ksrf.ru

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2000 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Тверская прядильная фабрика». URL: www.ksrf.ru

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2001 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц». URL: www.ksrf.ru

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2001 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан». URL: www.ksrf.ru

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2002 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств». URL: www.ksrf.ru

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева». URL: www.ksrf.ru

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой». URL: www.ksrf.ru

¹² Кораев К.Б. Правовой статус конкурсных кредиторов при проведении конкурсного производства // Юрист. 2009. № 4. С. 66.

¹³ Карелина С.А. Особенности реализации принципа равенства прав в процессе несостоятельности (банкротства) должника. С. 37.

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 мая 2015 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 21¹ Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Отделсервис». URL: www.ksrf.ru

12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1999 г. № 213-О/199 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы

гражданина Седалова Владимира Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 142 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». URL: www.ksrf.ru

13. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

Восемь из трёх...

Рецензия на сборник статей «Конституционный совет Франции на современном этапе». М. : Юрист, 2015. 268 с.

*Арановский Константин Викторович,
судья Конституционного Суда Российской Федерации,
профессор кафедры государственного права
Санкт-Петербургского государственного университета,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
aranovskiy@ksrf.ru*

В обзоре автор делится своими впечатлениями от сборника статей «Конституционный Совет Франции на современном этапе». Отмечаются качество и содержание публикуемых статей, переводов нормативных актов и судебной практики. По мнению автора, книга ценна не только как монография или сборник научных исследований, но она также может быть использована в качестве учебного пособия.

Ключевые слова: Конституционный Совет Франции, конституционный контроль a posteriori, «блок конституционности», приоритет Конституции, реформа конституционного контроля.

Восемь ученых-юристов трех разных поколений сошлись из двух стран в одном деле — написать статьи и составить их в общую книгу о Конституционном совете Франции, сличая написанное с тем, что происходит в российском конституционном правосудии, наметить общим образом, что нужно этой ветви юстиции, и предположить, что ей предстоит, может быть, в будущем. Называется книга «Конституционный совет Франции на современном этапе». К основному этому титулу авторы прилагают актуальный подзаголовок: «Пять лет институту “приоритетного вопроса о конституционности”». Все вместе это обещает, прежде всего, рассказ о том, как французская конституционная юстиция (квазиюстиция), юридическая мысль и профессиональная, гражданская общественность, пересиливая вековые убеждения французов в «неприкосновенности закона» и «непогрешимости» народно-законодательной воли, понемногу и даже значительно от них отходят, чтобы стать смелее, спокойнее и свободнее в укorenившихся представлениях, оставаясь, однако, под их влиянием.

Замысел сборника статей не так был тесен, чтобы связать собою свободу авторов в том, как и что именно изложить под общим книжным заглавием. Каждый работал на том участке, где полагал себя более готовым с пользой для дела изложить свою часть исследования; каждый внес свою долю ретроспективы и перспективы в предпринятые описания и анализ. В итоге вышел не снимок момента, взятый в отдельном ракурсе, а современный коллаж, пронизанный вместе с тем историческим временем и составленный во фрагментах изображения, взятых под разными углами, на разных участках смысла. При этом все странном образом обошлось без ожидаемых, казалось

бы, в таких случаях слишком заметных повторений, как и без чрезмерных пропусков.

Во внимание принято, кажется, все существенное: предыстория, эволюция, мировоззренческий фон, на котором складывалось французское конституционное правосудие, структура главного носителя этой функции, полномочия Конституционного совета в их исходной логике, в первичных границах, в буквальном прочтении и в дальнейшем развитии с той подоплекой, которая обеспечила ему прирост полномочий, а главное — настойчивости, динамики (скорости) и силы в осуществлении юрисдикции этого вида. Получили также свое изложение назидательные случаи, где Конституционный совет выразительно себя выказал в решениях, которые добавили к национальному правопорядку по-настоящему опорные и насущные для него положения, например, в том, что касается защиты права собственности, принципов «правовой определенности» и «правомерных ожиданий».

Авторы обозначили уязвимые и «тонкие» места во французской конституционной юстиции, отчасти узнаваемые и близкие российскому правосудию, но отчасти и особенные для Франции, такие как «фильтр», который создают суды и административные трибуналы на уровне высших своих инстанций, определяя лишь по своему усмотрению, принять ли инициативу стороны по делу и обратиться ли в Конституционный совет с «приоритетным вопросом о конституционности» закона, подлежащего применению или же не считать такой вопрос приоритетным и вовсе его не ставить. Впрочем, и в России время от времени оживает критика «фильтра» в виде предварительного изучения Секретариатом Конституционного Суда, вполне, однако, преодолимого, при том что он обра-

бывает до двадцати тысяч обращений в год. Говорят и о том, с другой стороны, что право заявителя обратиться в Конституционный Суд сразу же после того, как в его судебном деле случатся первые процессуальные неудачи, не пройдя по всей судебной лестнице, делает неоправданно свободным весь режим обжалования гражданами и объединениями федеральных и региональных законов. Понятно, что наилучших решений в этой части конституционного судопроизводства не найти ни во Франции, ни в России и вообще нигде, потому что любое из них оставит недовольными какую-то, причем заметную, долю недовольных и разочарованных и будет удобным далеко не для всех возможных случаев. Поэтому спорам здесь нет будет конца, и остается, может быть, лишь всем пожелать спокойного смирения с правилами, которые хороши уже тем, во всяком случае, что они есть, и которые тем лучше, чем они прочнее и на них можно полагаться, а не тем, что все они каждый раз угодны каждому.

Книга хороша не только как монография или собрание ученых исследований, но и как учебное издание, где вопрос получает изложение разносторонне и вместе с тем компактно. Старательно, объемно и выразительно в ней подобраны материалы, прилагаемые к статьям. С ними несложно проследить всю череду законодательных и других источников, в которых представлены и нормативно-правовая, и прикладная стороны французского конституционного правосудия. В том, кстати, что это именно род правосудия, убеждает все содержание книги, и особенно, может быть, приложения (конспекты решений), как бы ни усложняли в литературе характеристики Конституционного совета оговорками насчет политического существа и происхождения этого органа, не исключая самих авторов. Как еще, кроме правосудия (юстиции), воспринимать деятельность органа, который обязан быть независимым и свободным от политической и административной целесообразности, подчинен лишь праву и связан правилами диспозитивности и состязательности, которую письменное производство, заметим, все не исключает. Как и суды, Конституционный совет не вправе отклонить, подобно парламенту, президенту или правительству, какой-нибудь несвоевременный и нецелесообразный вопрос, если он поступил на рассмотрение Совету, представляет собой юрисдикционное (конституционно-правовое) дело, которое входит в границы его компетенции, и если отказ от рассмотрения возможен лишь ввиду юридической неприемлемости (неподведомственности и т.п.).

Сама стилистика и манера изложения решений Конституционного совета — по-французски лаконично-интригующая в части их обоснований — определенно маркирует его природу и говорит о том, что он плоть от плоти правосудия, что он ведет себя, как все французские суды, что бы ни думали о Совете при его учреждении и какими бы политическими ожиданиями, комментариями ни сопровождалось образование, деятельность и вся его судьба. Новый институт рассмотрения в Совете «приоритетного вопроса о конституционности» по запросам судов, инициированным ходатайствами сторон, ставит, наверное, окончательный крест на всех сомнениях по поводу того, что представляет собой Конституционный совет в юрисдикционном своем существе.

Что касается значительной отсрочки, с которой появилось в составе его компетенции право разрешать дела этого вида в рамках последующего конкретного (относительного) конституционного кон-

троля, по сути связанного с разбирательством конституционных жалоб заинтересованных лиц, то и она вполне ложится в общее русло французской правовой истории после Революции, когда все публичное право, даже административное, не говоря уже о законодательстве, надолго вышло вообще из-под судебного контроля. Нужно, во всяком случае, учесть эту линию исторически обусловленных предубеждений к юстиции, взять в расчет мощь французского политического и, особенно, бюрократического класса, едва ли склонного тесниться в своих полномочиях ради правосудия и уступать руководящие прерогативы, которые регламентарная и законодательная власть уверенно считает своими. Нужно сюда добавить довольно причудливую французскую версию «разделения властей», а еще больше то, что когда-то французы слишком крепко усвоили фантазии Ж.-Ж. Руссо относительно непогрешимой «общей воли», решив ей покориться и с нею смешать сам закон. Тогда многое станет ясным из того, почему во Франции с такими отсрочками, остановками и ограничениями правосудие распространялось на публичную власть, развивая сначала административные трибуналы (в стороне от судов общей юрисдикции) и постепенно лишь приближаясь к юстиции конституционной, чтобы там добраться, наконец, до самого (!) «неприкосновенного» закона, принятого «волей» самой (!) нации, и даже позволить частным лицам спорить с актами законодательства по правилам процессуального института, близкого конституционной жалобе.

По этим и еще по многим поводам и предметам есть что почитать в книге, которую написали авторы — прямые участники конституционного правосудия, профессора, исследователи-компаративисты и конституционалисты разных званий и титулов: К. Бази-Малори, С.Д. Князев, Ф. Мелин-Сукраманьен, А.В. Антонов, О. Ле Бот, П.Д. Блохин, М.А. Кокотова, С. Сюрэн.

Не вполне, правда, ясно, как читателям, если они не франко-русские билингвы, прочесть сборник в тех его частях, которые напечатаны лишь на одном из языков без перевода на другой. Разумеется, приятно узнать из аннотации, что, например, докторант Серж Сюрэн (Serge Surin) описал перспективу «негативных последствий использования полномочия по варьированию во времени эффекта признания неконституционности в рамках механизма приоритетного вопроса о конституционности». Можно даже отчасти связать авторские предчувствия по этому поводу с тем, что сказано выше о осторожности участников французской правовой системы и ревливой их тревоге по поводу сохранности закона. Однако русскоговорящему читателю без русского перевода или без компетентного пересказа придется, по меньшей мере, додумывать, реконструировать мнение автора об этих беспоконных последствиях и, главное, обойтись без описания вопроса, рискуя позволить себе избыточное воображение, или же оставить все до лучшего времени. Впрочем, несправедливо ставить эту особенность издания в упрек составителям и авторам. Они со своей стороны сильно постарались, сделали многое и если не сделали больше, то никому не запрещено найти вдоволь ресурсов, потратить время, собрать представительную группу знающих авторов, написать, обработать, свести вместе тексты и, наконец, устроить зеркальный перевод или выпустить два издания сразу. Но участники сборника в любом случае заслуживают поздравления с тем, что им удалась большая, важная работа.

Table of Contents

CONSTITUTIONAL LAW

Valery ZORKIN. Convention on Human Rights in the Russian legal system: problems of implementation

The article considers relation between supranational judicial decisions and the decisions of the Russian judiciary in the context of the implementation of the provisions of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the European Court of Human Rights decisions in the Russian legal system.

The Constitutional Court in a course of its work faces the need to solve two problems simultaneously: the harmonization of the Russian legal system with a pan-European legal space, on the one hand, and the protection of its own constitutional identity - on the other. The author analyzes the practices of a number of European constitutional control bodies, facing a similar problem; the article discusses the controversial nature of the ECtHR applied sociological approach to legal thinking which underlies the so-called “European consensus”. The author gives an overview of the legal conflicts of the ECtHR and the Constitutional Court of the Russian Federation which the practice has accumulated in recent years and suggests possible ways to resolve them.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the European Court of Human Rights.

ZORKIN Valery Dmitrievich — President of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Contacts: vzor@ksrf.ru

THEORY AND PRACTICE OF CONSTITUTIONAL JUSTICE

Mikhail KROTOV. Regarding the improvement of the procedural legislation for the establishment of facts of legal significance

The article is devoted to the issues arising when considering cases concerning establishment of facts of legal significance before a court. Author argues that this issue is of particular importance due to the increased number of applications to the Constitutional Court of the Russian Federation, based on general jurisdiction courts judgments in civil cases under consideration in a special procedure. Analyzing this issue and on the basis of decisions made by the Constitutional Court, the author makes a conclusion about the need to improve the federal legislative mechanism of civil proceedings in a special procedure, including the establishment of facts of legal significance.

Keywords: the Constitutional Court of the Russian Federation, the procedure of special proceedings, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the procedural aspects of the special proceedings.

KROTOV Mikhail Valentinovich — Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Constitutional Court of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, PhD

Contacts: through editors

Guennadiy ZHILIN. Regarding the nature of the legal proceedings in the cases of establishing the facts of legal significance

This article was prepared in the manner of scientific discussion with M.V. Krotov, who outlined his view of the problem in the article: “**Regarding the improvement of the procedural legislation for the establishment of facts of legal significance**, published in the current Issue.” Referring to the practice of constitutional proceedings, the author points to the fallacy of the position that the specifics of special proceedings cases do not imply a violation of constitutional rights and freedoms of citizens and organizations. The author stresses that in the applications to the Constitutional Court the applicants often challenge the constitutionality of the substantive law, alleging that their application leads to the violation of constitutional rights. This conclusion is confirmed repeatedly in the judgements of the Constitutional Court.

Keywords: the Constitutional Court of the Russian Federation, the procedure of special proceedings, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the procedural aspects of the special proceedings.

ZHILIN Guennadiy Alexandrovitch — judge at the Constitutional Court of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Contacts: zhil@ksrf.ru

PROBLEMS OF THE THEORY OF CONSTITUTIONAL LAW

Pavel BARANOV, Aleksey OVCHINNIKOV. Constitutional values and improvement of modern constitutional and legal policy of the Russian Federation

This paper examines the theoretical and methodological problems of constitutional axiology, defines constitutional values, the characteristic elements of proposed constitutional and legal policy from the perspective of constitutional values. The authors draw attention to the problems in constitutional and legal policy of modern Russia in the context of its socio-cultural characteristics, legal and constitutional and political identity of values.

Keywords: Constitutional values, the constitutional sense of justice, government, State, constitutional and legal policy, constitutionalism, the Constitution, Constitutional (state) law.

BARANOV Pavel Petrovich — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law YURIU RANHiGS the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

Contacts: pravosoznanie@gmail.com

OVCHINNIKOV Aleksey Igorevich — Professor of theory and history of foreign and Russian law Vladivostok State University of Economics and Service, Doctor of Law, Professor.

Contacts: k_fp3@mail.ru

Nikolai BONDAR. Constitutional values and politics: constitutionalization of politics, but the politicization of constitutional values

This article was prepared in the manner of scientific discussion with Professors P.P. Baranov and A.I. Ovchinnikov who described their views in the article “Constitutional values and improvement of modern constitutional and legal policy of the Russian Federation” published in the current Issue. Presenting his vision of this problem, the author points to a number of significant practical aspects of constitutional and judicial axiology.

Axiological pluralism of the Constitution, which has no political, ideological, and legal (juridical) characteristics is justified on this basis. It is implemented through a combination of natural law and legal-positivist principles in the modern constitutional regulation. The Constitution is a self-developing dynamic system, which has its inner content and value potential to adapt to changing socio-historical conditions. Thus, it is through the constitutional review the principle of constitutionalism becomes “living” constitutionalism. By the means of constitutional and judicial axiology as the gear ratio, weighing, and harmonizing constitutional values constitutionalism acquires a comprehensive system-correction, human rights, remedying, and transformative character.

Keywords: Constitutional values, the constitutional sense of justice, government, State, constitutional and legal policy, constitutionalism, the Constitution, Constitutional (state) law.

BONDAR Nikolai Semenovich — judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honoured Lawyer of Russia, Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Contacts: bond@ksrf.ru

CONSTITUTIONALISATION OF LEGAL BRANCHES

Anna SLONEVSKAYA. Protection of the rights of the insolvent debtor’s creditors in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

The article provides an overview of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, concerning the protection of the rights of creditors of the insolvent debtor. It discusses the problems of infringement of the rights of creditors in the situation of the debtor’s assets are insufficient to pay off all creditors’ claims. The discussed issues are related to the protection of creditors’ rights in the stage of initiation of the court of a bankruptcy case. The author concludes that there is a need to ensure equality of rights of all creditors of the debtor in bankruptcy in order to meet the requirements of their property claims at its best.

Keywords: bankruptcy, the creditor, the insolvent debtor, bankruptcy law.

SLONEVSKAYA Anna Yurievna — judge of the Court of Arbitrage of the Kaliningrad Region, PhD

Contacts: through editors

THE REVIEW

Konstantin ARANOVSKY. The review of the collection of articles “The Constitutional Council of France at the present stage”

In the review the author shares his impressions from the collection of articles “Constitutional Council of France at the present stage”. The quality and content of the published articles, legal materials, and court practice are celebrated. The author believes that the book is valuable not only as a monography or a collection of scientific researches but it also can be used as a study textbook.

Keywords: Constitutional council of the French Republic, Priority preliminary ruling on the issue of constitutionality, protection of fundamental rights and freedoms, constitutional control.

ARANOVSKY Konstantin Viktorovich — judge of the Russian Constitutional Court, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Contacts: aranovsky@ksrf.ru